

Игорь Киверин

ЖИЗА

Маршрут:
Пижма — Нижний Новгород

Игорь Киверин
Жиза. Маршрут: Пижма
– Нижний Новгород

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304365

ISBN 9785449035561

Аннотация

Если этой книге можно дать второе название, то скорее всего ей подойдёт «Как я прожил эти четыре года». Обычные истории, которые случались со мной; события, которые проходили через меня; просто история одного или нескольких человек – это всё жизнь, которая отражена в этой книге. Да, это просто жиза. Моя жиза.

Содержание

Не с начала	5
I Игра	7
II Я объявляю свой дом	15
III Пора	22
IV Бездельник	34
V Жизнь в стёклах	51
VI Завтра война	58
VII Дальше действовать будем мы	69
VIII Война	89
IX Сюжет для новой песни	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Жиза
Маршрут: Пижма –
Нижний Новгород

Игорь Киверин

© Игорь Киверин, 2018

ISBN 978-5-4490-3556-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не с начала

Всё. Солнце уходит в закат. Чуть слышно, как плывёт катер, на котором играет музыка. Кажется, это песня Григория Лепса – «Я счастливый». Я понял это по некоторым словам, которые так громко каждый припев кричат какие-то люди, плывущие на этом катере. Вроде это школьники, а точнее выпускники. А так здесь приятная тишина. Я смотрю, как плещется этот катер на реке Волга, смотрю на Молитовский мост, на котором проносятся машины. Просто смотрю на различные дома, непонятные здания, которые стоят впереди меня. Видно где-то вдалеке стоит котельная, из которой валят большие клубни чёрного дыма и немного портят всю эту атмосферу, которой я сейчас объят.

Спокойствие, умиротворение, безмятежность – сейчас все эти слова сплелись друг с другом и оставили меня одного вместе с ними. Мне уже ничего не надо. Я просто стою, смотрю и люблюсь окружающей обстановкой, как будто в этом есть какое-то очарование. Я околдован этим воздухом, звуком. Здесь хорошо, никто и ничего мне не мешает. Только и слышно, как внизу от меня плывёт катер, а справа и слева по мостам проносятся машины – это всё звуки вечернего и летнего города.

О чём ещё здесь можно писать? Я просто наслаждаюсь всем этим, поэтому мне сейчас ничего другого и не нужно.

Всё, что нужно уже сделано из-за чего я могу написать, что пора с этим заканчивать. Всё.

I Игра

Погода в этот день нас не разочаровала. На улице раскрепощался утренний тёплый воздух, солнце отдавало все свои силы, чтобы обогреть землю в последний день лета. Я сидел в кресле и уныло поглядывал в телевизор. Напротив меня через окно шумела берёза, стуча своими хрупкими ветвями в стёкла моего дома.

Но время пришло, нужно было выходить. Я взял свои тяжеленные сумки и вышел с ними на улицу, вслед за мной вышла мама. Мы пошли по уже давно знакомой тропе, по которой раньше летом в детстве мы всей семьёй ходили до вокзала, чтобы потом уехать на ночном поезде в Княгинино к родственникам. На этот раз мы с мамой собирались в Нижний Новгород.

До вокзала идти было недалеко, но сегодня день был особенным, и поэтому мы вышли пораньше, чтобы не опоздать на электричку. Когда мы дошли до вокзала, мама сразу пошла к кассе, чтобы купить билеты, а я занял свободное место, положив рядом вещи, и внимательно следил за тем, как мама покупает билеты. Теперь мне тоже нужно было выучиться этой скромной технике. После покупки билета мама села рядом со мной, и мы вместе стали ждать моего будущего соседа по тесной комнатке. На вокзале было много людей, которые задавали шум во всей этой суматохе, среди них из-

редка попадались знакомые мне лица.

Вот на вокзал зашёл Мордвин, он был один в отличие от меня. Он купил билет, и теперь мы сидели втроём на неудобных железных лавочках, ожидая электричку. Мимо нас прошёл мой бывший знакомый по школе Артём Громов и спросил нас, куда мы едем. Мама за меня всё объяснила, и они разговорились. Он старался объяснить, что такое пара и как её отсидеть, сложно ли учиться на первом курсе и так далее. Мы все с интересом его слушали и сжигали время приближения электрички.

Я вышел на улицу с задней стороны вокзала и посмотрел на улицу, которая выходила на самую главную улицу в Пижме. Впереди меня была дорога домой, сзади железнодорожные пути, ведущие в Нижний Новгород. Какой – то жалости в отъезде не было, впереди меня возникала новая самостоятельная жизнь, которую хотелось скорее опробовать. Во всяком случае, приехать домой я мог в любой момент, денег было предостаточно.

Через громкоговоритель была объявлена наша электричка, все обыватели вокзала взяли за сумки, и вышли на платформу. Тут же через мою голову промелькнула мысль, что завтра я уже не буду жить здесь, не пойду привычной тропкой в школу, но я выбросил эти мысли из головы, и быстро взобрался в вагон, где уселся на свободное место рядом с окном.

Через несколько минут наш поезд тронулся и мы поехали.

Смотря в окно, я стал размышлять о том, что мне предстоит узнать в этой новой жизни, как я буду учиться в незнакомом мне ещё городе. Хотелось поскорее увидеть этот большой и современный университет, побывать в его лабиринтах. Было любопытно увидеть своих одноклассников и познать вообще, что такое инженерная специальность. Чертить я совершенно не умел, но мама уверяла меня, что все чертежи сейчас чертят на компьютере и этому мастерству обучают с нуля. Я успокаивал себя этой мыслью, смотря на бесконечно пролетающие мимо меня пожелтевшие берёзы.

Я представлял, как мы будем жить с Серёгой в одной комнате, как мы будем вместе смотреть футбол, проводить скучные дни в этом большом городе. С Мордвиным мы заранее уже обговорили будущий ход наших действий, а также обсудили, как мы будем играть в футбол на ноутбуке. Почему то это беспокоило меня больше всего.

На полпути мне резко захотелось в туалет, я встал и пошёл искать его в конце электрички. Пройдя через пару вагонов, я удивился, увидев кучу знакомых мне лиц, которые были разбросаны по различным местам вагонов. В Пижме мне редко удавалось их увидеть хотя бы одно из них, а здесь они были собраны все воедино. Как будто они всегда здесь были спрятаны от меня.

Дорога была долгая. Я старался несколько раз уснуть, но после летних каникул спать совершенно не хотелось, и я просто смотрел в окно, в котором всё также мелькали бе-

рёзы, заменяясь столбами, с изредка попадающими разноцветными домами. Лишь только провода неизменно тянулись всю дорогу за нами.

Наконец-то выглянула река, зашагали колонны моста, и перед нами раскинулся город с многочисленными зданиями и дорогами. В Нижнем Новгороде нас уже подждал мой брат Дима, который нервно говорил маме через динамик её телефона, чтобы мы как можно быстрее шли к его машине. Его переживания были ненужными, потому что его машина стояла на платной парковке. Через некоторое время мы все нашли Диму и быстро забрались в его машину. Дима ввёл адрес нашего будущего пристанища с Серёгой к себе в телефон, и мы поехали.

Диму я видел всегда очень редко, но поводов для разговора как всегда не было. Однако, было всё равно приятно находиться почти всей семьёй рядом. Через 10 минут мы приехали. Меня сразу же порадовал тот факт, что квартира находилась не так далеко от вокзала. Выйдя из машины, я увидел слева от нас огромное и невероятно красивое красно-белое здание, и я тогда сказал, что в будущем в похожем здании у меня будет своя квартира. Мама ещё перед поступлением в стройк всегда уверяла меня в том, что, якобы, всем инженерам обязательно дают новенькую квартиру в только что построенном доме. Так что мои слова были сказаны не напрасно.

Мой дом находился напротив этого прекрасного здания,

однако, выглядел намного угрюмее. Эта серая многоэтажка говорила за себя, что в ней будут разбросаны такие же серые и угрюмые комнатки, и в своей голове я стал уже представлять какое-то старое деревянное помещение, за которое мы с Серёгой будем платить. Цена за комнату в пять тысяч рублей лишней раз убеждала меня в этом.

Мы подошли к подъезду, но хозяйка дома, почему то не отвечала на телефон. Мы простояли недолго, как мимо нас прошла какая-то старушка, и я, почему то сразу решил, что это тот человек, которого мы все здесь ожидаем. Я был прав. Её звали Людмила Николаевна, она как раз выносила мусор и перемещаясь по своему небольшому маршруту случайно встретила нас, захватив впоследствии всех нас к себе в квартиру. Зайдя в прихожую, я почувствовал себя как то неловко, потому что это был не мой дом, однако, понимал, что здесь мне предстоит жить очень долго, несмотря на все предостережения учительницы по истории Людмилы Павловны о том, что каждого из выпускников могут отчислить уже в 1 семестре.

Все мои переживания по поводу деревянной комнатки рухнули, когда я вошёл в неё и увидел довольно чистое и просторное помещение. Для настоящего счастья хватило того, что она закрывалась на 2 маленькие дверки. Этого мне было достаточно, потому что не хотел, чтобы в мою комнату постоянно заглядывали чужие глаза.

Пока мы с Серёгой разбирали сумки, мама на кухне по-

казывала наши паспорта хозяйке и разговаривала о сумме оплаты, которая неожиданно возросла на 500 рублей. Дима сидел рядом с нами и молча, заглядывал в свой телефон. Потом мама оставила Людмилу Николаевну одну, и мы все вместе пошли по магазинам, чтобы закупиться различными ненужными вещами в Фикс-прайсе и продуктами в Пятёрочке.

Я старался запоминать весь наш пройденный прошедший путь, но в итоге за меня его запомнил Мордвин. В Пятёрочке, которая находилась прямо в нашем доме с обратной стороны, мы набрали совершенно всё, что могло помочь мне в одиночной жизни на первую неделю. Дима руководствовался за меня и накладывал в корзинки всё что нужно и ненужно.

Потом мы все вместе пошли в Fix-price, который находился недалеко от вокзала. По дороге во «Всё по 39», мы заодно зашли в переходы, чтобы прикупить кошельки и обложки на студак. Тогда я очень удивился, когда увидел, как к Диме подошёл незнакомый мне нерусский человек и спросил, что нужно моему брату. Я посчитал, что это его знакомый, который всегда ждал здесь его, но все мои догадки рухнули после того, как этот же тип подошёл ко мне несколькими днями позже с теми же вопросами.

Когда все покупки были завершены, мы пошли пешком обратно на квартиру. В комнате, когда все были в сборе, я показал на раскладывающийся диван слева от меня и ска-

зал, что этот диван будет мой, улыбнувшись при этом. Моя улыбка продержалась недолго, потому что Людмила Николаевна неожиданно расплакалась. Поводом для её слёз послужило то, что на другой кровати умер её парализованный муж, и она не могла спокойно находиться в этой комнате. Мне стало как-то не по себе, но я остался довольным, потому что выбрал, как я посчитал, правильное спальное место.

К вечеру мама готовила для меня ужин вместе с Людмилой, которая также готовила ужин, но для себя. Всё это время они что-то обсуждали, а мы сидели в своей комнате, слушая Диму, который через модем искал в моём ноутбуке какие маршруты идут до моего универа от этого дома.

Позже, когда мне стало скучно, я достал джойстик, и мы с Мордвиным стали играть на ноутбуке в футбол. Дима ещё немного посидел на моём диване и, поняв, что сейчас он никому не нужен, решил ехать в Выксу. С Димой как-то никогда не завязывался нормальный диалог. Я играл и понимал, что поступил неправильно, распределив свои приоритеты ошибочно, поставив выше какую-то компьютерную игрушку. Наигравшись вдоволь, я посидел ещё немного за своим ноутбуком, а потом пошёл ужинать.

Пришла ночь, делать было нечего и ничего не оставалось, как идти спать. Все улеглись по своим местам, сон на удивление не заставил себя долго ждать. Мыслей о том, что теперь я буду редко появляться дома, почему то не было. Голова не давала мне думать о плохом.

Утром я также проснусь в своей кровати, дома, где также будет работать мой старенький телевизор, а за окном будет шелестеть берёза, стуча в стёкла своими хрупкими ветками. Я уснул.

II Я объявляю свой дом

Утро подкралось незаметно, подсвечивая своими солнечными бликами через оранжевые шторы в комнату. Сегодня был важный день – первый день в универе. Мама разбудила меня, на кухне уже был готов завтрак. Я быстро встал с раскладного дивана и пошёл умываться. Точно также я начинал своё утро и там, в Пижме, но теперь я был в другом городе, однако, какой-то большой разницы ещё не ощущал. Мордвин встал раньше меня и уже собирался идти знакомиться со своим техникумом, пока я только доедал пельмени. Я никуда не торопился, времени оставалось ещё много, собрание в универе было назначено на 11 утра. После завтрака я быстро приготовил нужные вещи, одел свой оранжевый кардиган с джинсами и стал готовиться выходить на улицу. Мама пошла вместе со мной, потому что я ещё плохо представлял себе этот незнакомый город. Ещё в конце августа у меня перестал работать смартфон, и сейчас отслеживать маршрут не мог. Я не знал, где находится автобусная остановка, однако, вчера я заранее подготовился, ломая свою голову в навигации «Дубль-Гис».

Быстро пробегая через неизвестные мне места, по шуму автобусного рёва, я понимал, что мы идём в правильную сторону. Когда я увидел большую трассу и кучу автобусов рядом с ней, то понял, что здесь и находится эта автостанция, про

которую вчера говорила бабка, и которую я видел на ноутбуке. Нашей целью были 26 и 43 маршрут. Немного постояв на остановке, подошёл нужный автобус, и мы, взобравшись на него, поехали. Лично мне было непонятно на какой остановке нужно выходить. Я ожидал увидеть свой универ, но вокруг проносились неизвестные мне здания и улицы. В этот момент я надеялся на маму, но вспомнив, как лихо мы проехали Канавинский мост, уехав не в то место при поступлении, я стал внимательно выискивать какие-нибудь знакомые проулки, которые я мог видеть, когда летом поступал в НН-ГАСУ.

На моём лице неожиданно выскочила улыбка. Всё было просто, я увидел знакомого человека. Это был мой будущий одноклассник, а точнее одноклассница. Ещё при поступлении я отслеживал людей, которые будут меня окружать в студенческие годы, и удивлялся, насколько они круты по сравнению со мной, потому что каждый занимался каким-нибудь спортом, выступал на сцене... Её звали Оля, она первая кто добавилась ко мне в друзья, тогда я понимал, что она рассчитывает стать старостой нашей группы, увидев всех своих одноклассников в списках друзей у неё. Теперь насчёт времени выхода из автобуса было немного спокойней, правда, я до сих пор не был уверен, что это была она. Рискнув, я всё-таки вышел из автобуса и повёл за собой маму. Пройдя через непонятные дворы, мы оказались у универа. Мама удивлялась, как я так дошёл досюда, но я просто шёл за Олей,

которая, как и подтвердилось, оказалась той самой Олей, которая была со мной в одной группе.

До начала так называемого первого звонка оставалось ещё 40 минут. Я стоял около первого корпуса, и заметил, что все проходят через турникеты, показывая свои студаки. Я не понимал, что нужно показывать мне, и просто прошёл через турникеты, сказав охраннику, что я абитуриент, на что он мне ответил: – «Наверное, студент?» Но я ещё не чувствовал себя студентом без студенческого, однако, всё же кинул в ответ. Остановившись в холле, я быстро отдал маме куртку, потому что мне не нравилось видеть, как все вокруг были без верхней одежды. Я хотел, чтобы на мне оставался только этот оранжевый кардиган с белой рубашкой под ним и галстуком, вместо этой чёрной куртки. Ещё через минуту я был готов идти, но сказал маме, что нужно подождать. Время оставалось ещё много, и я не был уверен, что та аудитория была открыта, а стоять без дела около неё там не хотел. Было также и глупо стоять в холле универа вместе с мамой, среди постоянно идущей громадной кучи студентов. Выйдя на улицу, я повёл нас снова на остановку. Не дойдя до неё, я выбрал свободное место и встал посредине тротуаров. Мимо нас проносились студенты, среди которых были первокурсники, а, возможно, и второкурсники. Было неудобно стоять здесь на холоде, но я выжидал время, когда снова пойду в универ. Мама дала понять, что подождёт меня здесь, хотя вчера говорила, что уедет обратно в Пижму днём. Это успокоило меня, так

как эту чёрную куртку можно было оставить у неё, да и заморачиваться по поводу обратного возвращения на квартиру, тоже можно было не переживать.

Время прошло быстро, я снова отдал куртку маме и пошёл до первого корпуса. Прodelав уже знакомый путь до холла, я стал искать путь в аудиторию, которая оказалась, не так далеко, как я думал. Кабинетов здесь было очень много, и заблудиться в универе можно было спокойно. Во 2—228 было очень много людей, оттуда доносился шум, и было даже как-то неловко туда входить, но я вошёл и поднялся как можно дальше вверх по лесенке и занял свободное место. Я сидел, ждал, когда наступит вся процессия, которая разъяснит, для чего мы здесь собрались. Справа от меня сидел незнакомый парень, который неожиданно начал со мной разговор. Из его рассказов, я понял, что он из Новосибирска, показывая свою тетрадь, на которой было написано: «Изготовлено в Новосибирске». Также я понял, что он был совершенно из другой группы, то ли из 1304, то ли 1302. Здесь он находился, потому что опоздал на линейку своего потока. Развеяв и свою скуку от ожидания, я спросил у него, где находится 3 общага, в которой у нас должна была быть физкультура. Старательно вычертив в своей тетрадке площадь Лядова и улицу Звездинку, он пытался мне что-то объяснить, пока я переписывал его слова к себе в тетрадь.

Тут в аудиторию вошла какая-то маленькая старушка, которая и оказалось нашей классной руководительницей. Я да-

же и не представлял, что у такого количества человек, будет своя классная. Объяснив некоторые правила и вопросы, которые потом были отражены у меня в и тетрадке, она сказала, что для нас настал самый важный момент. Вдруг она стала вызывать к себе по очереди людей, которые выходили к ней, и вручала каждому человеку его студенческий билет. Мне было интересно получить свой студак, но мой выход затягивался. Выходили совершенно незнакомые мне люди, среди которых была и Оля, которая была явно в хорошем настроении и постоянно смеялась с соседями по парте. Я старался увидеть и ещё знакомые мне лица, но никого не узнавал. Через минут 10, после начала выдачи этих маленьких синеньких книжек, за студаком спустился мой сосед, а потом настала и моя очередь. Немного споткнувшись об свою ногу от волнения, я спустился вниз, получил зачётку и расписался в ней. Поднявшись наверх и наступив теперь уже на ногу соседа, я занял своё место и теперь внимательно разглядывал свой студак. В ней было моё спокойное лицо, инициалы и большая печать с моей подписью. Теперь я стал студентом. Я пытался согнуть её, но у меня не получилось, студак был совершенно новый.

Когда студенческие были розданы всем, классная сообщила, что зачётки будут выданы в конце семестра, чтобы мы их не испортили к тому времени. Было удивительно осознавать, что будут выданы и ещё какие-то учебные принадлежности, мне лично хватало и студака. Потом она выдала нам

анкеты, в которой я старался вспомнить и вписать свой индекс, и, начеркав в анкете непонятым подчерком после лета различные слова, я отдал её обратно. Оставалось дело за малым, она спросила, есть ли тут женатые, и все тут же рассмеялись. Классная руководительница объяснила, что ничего смешного в этом нет, так как в другом потоке нашлись двое молодожёнов. А потом она представила нам своих старост. Первый из них поднялся, представился и зачем то ещё поклонился под смех окружающих балбесов. Потом поднялся и второй, а затем и третья. Последняя как раз и была старостой нашей группы – 1312. Теперь я узнал ещё одного человека из своей группы. Её звали Юлия Кашина.

Всё было закончено, все разошлись. Я был в нетерпении следующего дня. Мама ждала меня внизу, и сказала, что решила ехать завтра, потому что не хотела уезжать на вечерней электричке. Меня эта новость обрадовала, и мы поехали на квартиру. Там в комнате уже был Мордвин, и пока он разговаривал с моей мамой по поводу его первых ощущений в техникуме, я прочитывал в интернете, каким образом я буду учиться в универе. Мне было ещё многое непонятно: как учиться по верхней или нижней неделе, как ходить до спортзала, что нужно в первый день... Таким образом я готовился к студенческой жизни.

День прошёл быстро, все уложились спать, а я размышлял, какой будет из меня студент. Я мысленно проносил в своей голове, как я буду учиться, как буду сдавать экземе-

ны, как ходить на семинары, а потом вскоре уснул. Наутро, я снова позавтракал, собрал вещи, и мы с мамой пошли к остановке, где доехав до Московского вокзала, я проводил свою мать. Теперь я остался на сохранение самому себе. Теперь я точно стал взрослым.

III Пора

В первый же учебный день у нашей группы было назначено 4 пары, плюс 1 пара, которую нам поставил профком. Я постоянно писал в нашу школьную беседу «vk», что у меня сразу же будет 5 пар. Не понимаю, чем я гордился... Для меня это всё было в первый раз. Даже само слово «пара» – вызывало во мне недопонимание.

Я опять ехал в автобусе на час раньше, чем нужно. Снова я увидел Олю среди кучки толпящихся пассажиров, но теперь я точно знал, куда мне идти и не стал ждать, когда она выйдет. Теперь, проходя мимо охранника, я предъявлял свой студенческий билет и гордо проходил через турникеты. Теперь я студент.

Как и вчера до пары оставалось 40 минут, но теперь я не шатался без дела, ожидая начала пары. На этот раз я выбрал столь раннее время, чтобы осмотреться вокруг, понять, что где находится. Первая пара была в 1-417-ой. Пройдя к расписанию, я ещё раз убедился, что ничего не изменили, потом я повернулся вправо и увидел огромную карту универа висящей на стене. С огромным интересом я стал разглядывать это полотно и понял, что этот универ нереально громадный.

Сегодня у меня должны были пары в 1 корпусе, а также во 2 и 10. Просить помощи об их нахождении мне было

неудобно, и я стал мысленно представлять, где нахожусь на этой карте. Я переставлял себя в голове в другие корпуса. Позже, чуть разобравшись, я пошёл искать аудитории.

1-417-ая находилась в 1 корпусе. Поднявшись на 2 этаж, я заметил, что все кабинеты начинаются с цифры «2», следовательно, 417-ая должна был находиться на 4 этаже. Но не тут-то было. Обойдя всё вокруг на 4 этаже, я и близко не нашёл нужную мне аудиторию. Лишь одна дверь была открыта нараспашку на этом этаже. Посмотрев за дверь, я увидел длинный простилавшийся коридор, где в его конце также была открыта ещё одна дверь. Времени до пары оставалось ещё прилично и я, недолго думая, пронёс своё тело через коридор, попав на площадку, где жили одни лестницы, ступеньки которых вели в другие коридоры. Я не стал подниматься выше или ниже и просто пошел прямо, попав в ещё один коридор. Здесь я увидел кучу кабинетов, на которых нумерация начиналась с цифры «4». Тут же я увидел аудитории 414, 413, но 417-ую не было видно нигде. В этом месте, у одного кабинета без названия, сидел студент, который на вид мне показался знакомым. Так собственно и оказалось, это был Миша Демидов. Я поздоровался с ним, спросил, где 417-ая, и оказалось, что этот кабинет, у которого он находился, и есть тот самый, который я искал.

Старый телефон показывал, что до пары оставалось ещё 20 минут, но делать было совершенно нечего. Я, молча, стоял у двери, а потом медленно стал кружить из стороны в сто-

рону по коридору. Через 10 минут, народа здесь стало больше. Среди груды людей я заметил ещё знакомого мне человека, это был Андрей Мешалкин. Я ещё раз спросил на этот раз у него про нахождение 417 аудитории и, получив ответ, стал спокойно стоять возле двери.

Через некоторое время подошёл какой-то человек и открыл дверь. Все мы, кто стоял около аудитории, медленно потянулись к входу. Я сел на первую парту, справа по флангу. Это был мой первый день учёбы, и я не хотел упускать чего-то лишнего, в первую очередь из-за своего плохого зрения. Также предмет был для меня незнакомый по школе – «Экология». Конечно, я знал, что такое экология, но как дисциплину мне предстояло изучать её в первый раз.

Ожидая препода, я слышал, как сзади от меня, не умолкая, постоянно кто-то громко говорит. Я стал внимательно подслушивать их разговор, так как предмет обсуждения был для меня очень интересен. Речь шла об универе и учебе. С их уст я узнал, что со 2 курса начнётся плавание в бассейне, где нужно обязательно уметь плавать. Для человека не умевшего плавать, такая новость была отвратительной. Также я узнал много информации о преподах, о корпусах. Мне стало интересно, кто же этот человек, который так много знает об учебном процессе, и, развернувшись, увидел студента в чёрном костюме и стильных очках. Возможно, он уже заканчивает универ, но что он тут делает, мне было не ясно.

Время шло очень долго, и наконец, в аудиторию зашёл

препод. Этот мужчина был на вид очень рослым, с большими щёками и таинственными широкими глазами. Невероятным и загадочным голосом Мозжухин представился перед нами, попросив от нас, чтобы мы отразили его инициалы у себя в тетрадках. После этого он стал объяснять нам, какие учебники стоит взять в библиотеке, чтобы выучить предмет. Когда этот список вырос у меня в половину страницы, я ужаснулся от того, сколько учебников нам стоит взять ради 1 предмета. Потом Мозжухин начал свою лекцию, рассказывая нам о кислотных дождях в США. Было очень интересно его слушать, потому что он постоянно говорил что-то смешное, из-за чего смеялась вся аудитория. Мне сразу понравился этот человек.

Я сидел за своей партой и тоскливо смотрел вокруг, я один единственный сидел на 1 ряду. Мне не верилось, что сейчас я учусь в универе, да и ещё связанным со строительством. Ещё недавно я ходил в школу, жил в Пижме, а теперь в один миг резко всё изменилось. Мысленно я представлял, как сейчас учатся школьники в Пижемской школе, сидя за своими партами. Я оглядывался по сторонам, глядя в окна, где было очень спокойно, не было видно никаких машин, людей. Как будто я был сейчас в Пижме, в своей школе и до сих пор учился. Сзади меня сидел народ, на который я старался не обращать внимания, так как их было очень много, около ста. Все они выглядели очень стильно и красиво, из-за этого я в первый же учебный день пришёл в галстук и сво-

ём любимом оранжевом кардигане, надев также на свою левую руку китайские часы, купленные на Московском вокзале за 300 рублей.

В один момент мне стало скучно и резко захотелось спать из-за таинственного голоса Мозжухина, который читал свою лекцию чересчур однотонально. Но время прошло на удивление быстро, постепенно растаяв на моих часах. Теперь я познал, что такое пара.

Следующая лекция у нас была во 2 корпусе, про нахождение которого я мало что знал. По карте она была слева от 1 корпуса. Когда все выходили из аудитории, я через толпу увидел старосту и всех других своих одногруппников. Я старался тоже не отставать от них и прибилсь к своей группе. Потом я заметил, как количество людей рядом с нами всё увеличивалось. Макс Киселёв возглавлял нашу кучку, спрашивая у прохожих, где находится нужный нам кабинет. Пройдя по незнакомым мне лабиринтам универа, мы вошли во 2 корпус и спустились на 1 этаж. Здесь то и должна у нас быть следующая пара под уже знакомым мне названием – информатика.

Сейчас у нас должна была быть практика именно у нашей группы. От скуки я не знал чем заняться, стоя возле двери в аудиторию, и просто смотрел на своих одногруппников. Вокруг меня разговаривали люди, особенно выделялся среди них парень в очках, который постоянно смеялся вместе с Максом. Я смотрел на этого человека и никак не мог

вспомнить его среди нашей группы. Потом я узнал, что это был Влад Гавриков.

Потом пришли два препода разного пола, открыли дверь и пустили нас в кабинет. В аудитории нас по списку тут же распределили на 2 группы. Одни пошли к женщине, другие к мужчине. Я был среди тех, кто остался с мужчиной, которого звали Андреем Борисовичем. Я сразу же запомнил его имя и отчество, так как нашего трудовика в школе звали точно также. От нашего препода с чешуйчатым лицом, как у рыбы, очень заметно пахло нафталином, и многим он сразу не понравился в нашей подгруппе. Особенно раздражала его манера говора, так как он плохо произносил слова. Мне было совершенно наплевать, зато он постоянно улыбался.

Андрей Борисович сказал нам, чтобы мы заняли свои места, сев вдвоём за компьютер, так как мест было мало. Я осмотрелся вокруг и увидел парня, к которому и присел, потому что рядом с ним никто не находился. Его звали Никита. В этот же момент ворвался какой-то высокий мужчина с круглыми очками на лице и злобным видом.

– Почему в куртках пришли? А ну быстро все вышли отсюда! – проорал он.

Это оказался профессор и одновременно заведующий этой кафедрой. Так я узнал, как выглядит профессор. К счастью куртки у меня с собой не было и вместе с Никитой мы стали делать лабу по методичкам, которые раздал нам Андрей Борисович

Аудитория была довольно странная, так как впереди нас, через стену было слышно, как гроыхал трамвай, двигаясь своими железными колёсами по рельсам. Я смотрел в окно, с интересом наблюдая за этим, так как никогда не видел трамваев вживую, пока Никита делал лабу. Было приятно познакомиться с одноклассником, так как я ещё никого не знал в этой группе и, конечно, мне были нужны друзья.

Вся практика в семестре была разбита на работу с Microsoft Office и Паскалем. Первые лабы были лёгкими, и мы с Никитой быстро их сделали, по очереди передавая клавиатуру друг другу. Закончив пораньше, мы вышли из аудитории.

Опять взбившись кучкой, мы пошли искать другую аудиторию и по прошествии времени отыскали её. Опять среди нас был поток людей, состоящий из 3 групп. В этот день я понял, как мне не хватает своего смартфона. Около меня стояли люди, уставивших в свои дисплеи, а у меня был с собой только старенький телефон, в котором я уже всё пересмотрел, да и интернета на нём не было.

На этот раз у нас по расписанию должна была быть математика. Сразу же с 1 секунды я понял, что это очень серьёзный предмет. Может я и учился в математическом классе в школе, но здесь был совершенно другой уровень, а именно высшая математика. Наш преподаватель по математике был профессором, и я из-за этого немного переживал, думая о том, что нам попадётся такой же препод, который заявился

ранее на пару по информатике.

Но этот профессор мне понравился тем, что сразу же в начале пары сказал нам, чтобы мы задавали ему вопросы в абсолютно любой момент, если они у нас возникнут. Этот человек примитивно объяснял нам сложные вещи, разминая нашу голову рассказами о своём внуке, которого в свободное время тоже учил математике. Однако я не всё успевал записывать, а ещё мне жутко хотелось кушать, и из-за всего этого пара прошла для меня очень долго. С начала занятия я старался что-то понимать, но чем дольше длилась пара, тем больше я стал зевать и ничего не уяснять. Когда закончилась пара, то я с огромным облегчением вышел оттуда.

После математики у нас должен был быть английский язык. Пройдя через буфет, я увидел, как возле него стояло несчётное количество студентов, которые поедали различные пирожки, попивая чай или кофе. Я тоже хотел прикупить что-нибудь, но народа было настолько много, что даже не понял, где начинается очередь. Многие мои одноклассники втиснулись в эту толпу, и теперь мне предстояло добираться до следующей пары самостоятельно, так как самый главный наш вожак, поёдал сейчас сосиску в тесте вместе с Владом.

Я спустился вниз, подошёл к карте нашего универа и понял, что 10 корпус, в котором и должна была у нас быть пара, находится сзади первого корпуса отдельно от здания. Я вышел на улицу, обогнул 1 корпус, и увидел пятиэтажное

старое здание, которое по идее и должно быть тем самым 10 корпусом. Войдя в него и поднявшись на второй этаж, в коридоре я увидел небольшое количество людей, стоящих около одного кабинета. По знакомым лицам я понял, что это мои одноклассники. Теперь я стал узнавать кого-то в лицо.

После очень долгого для меня ожидания, пришли две учительницы, которые открыли кабинет и сказали, чтобы каждый входил по одному. Все столпились возле прохода и мысленно уже распределили очередь между собой. Всем было интересно узнать, что сейчас будет. А была обычная проверка наших знаний по английскому языку, после которой нас должны были распределить по группам: сильную и слабую.

Проверка длилась около получаса, я пошёл в кабинет в числе последних. Войдя в кабинет, я сел на стул перед двумя учительницами и стал отвечать на их вопросы. Вопросы были не очень сложные, конечно, если я их правильно осознавал. Я так понял, что они мне задавали вопросы на темы: где я живу, когда я родился, что люблю делать в свободное время. После недолгих попыток я вышел из кабинета и стал ждать, думая, что меня отправят в хорошую группу. Однако, после озвучивания фамилий, я своей не услышал. Теперь мне стало интересно, какие вопросы они мне задавали, так как я был уверен, что отвечаю правильно. Наверное, со стороны это выглядело смешно.

Самые сильные ушли в один кабинет с первой учительницей, вторая сказала, чтобы мы никуда не уходили и захо-

дили в кабинет, в котором недавно тестировались. Кабинет был очень маленьким, а нас было 14 человек. Еле заняв места, Макс вместе с Пашком Вилковым стали смеяться на весь кабинет, рассказывая различные истории. Так получилось, что моё место было ровно в середине всего кабинета, и я находился словно в центре всего концерта. Не зная, куда деть свои глаза, я пытался залипнуть в телефон, но в моём стареньком Sony совершенно не на что было посмотреть.

Наконец вошла учительница, которая выглядела на вид довольно молодой. Заняв своё место, она сказала нам, что за 1,5 года нереально выучить английский язык, объяснила про дополнительные курсы, которые стоят 15 тысяч за семестр, а потом разогнала нас, сказав, чтобы в следующий раз мы пришли на пару с учебниками, которые мы должны купить у неё за 300 рублей.

На этом и закончились все на сегодня пары, но впереди меня ожидала ещё одна пара, которую нам назначил профком. Пройдя по коридору, я через открытую дверь в кабинете увидел, как сильная группа до сих пор сидит и старательно что-то выписывает. Всё-таки хорошо, похоже, что я был в слабой группе.

Не теряя времени, я пошёл в 1 корпус, чтобы начать искать следующий кабинет, номер которого должен начинаться с цифры «5», то есть, следовательно, он должен располагаться на 5 этаже. Сначала я подумал, что это какая-то ошибка, потому что 5 этажа в 1 корпусе не было. Я поднялся

на 4 этаж, посмотрел всё вокруг, но ничего не нашёл. Увидев уже знакомый коридор на 4 этаже, через который я проходил в поисках экологии, я решил, что может быть там и находится этот кабинет, но обойдя все аудитории, я всё равно не нашёл нужную мне. Мой длительный поиск затягивался и то подаренное нам время на английском языке начало постепенно истекать. Пришлось спрашивать проходящих мимо людей. Один из студентов подсказал мне, чтобы я поднялся на этаж выше по лестнице, которая была расположена дальше по коридору

Отыскав нужную мне лестницу, я поднялся на верх и увидел там лишь одну дверь без названия. Быстро открыв её, я издали увидел уже знакомый мне поток. Пара уже началась, но люди из профкома ещё до сих пор что-то обсуждали между собой. Среди всей сидящей толпы я увидел Андрея Мешалкина и присел к нему, так как больше своих одноклассников здесь не заметил. Люди по сию пору входили в кабинет, к счастью я был не единственный, кто опоздал.

Через несколько минут началась пара. Девушка с короткой стрижкой представилась перед нами и сказала, что сегодня профком решил нас собрать в первый же день, чтобы потом не потерять. Она рассказывала о профкоме, заметила, что не стоит считать, что будто жизнь в профкоме проходит так же, как в сериале «Универ». Потом она дала нам всем анкеты, где попросила отметить, какие хобби у нас существуют, владеем ли мы английским языком или каким-ни-

будь музыкальным инструментом. Писать в анкету про баян я не стал, поэтому вписал только одно хобби: футбол, а потом отдал анкету обратно. Девушка с профкома напоследок спросила, кто хочет быть профоргом и ответственным за спортивные мероприятия, а потом отпустила нас. Профоргом в нашей группе стала Оля, а ответственным за спортивные мероприятия назначили Мишу Демидова.

Уставший и измотанный я пошёл на остановку, где стал дожидаться своего ржавого приятеля. Автобус донёс меня до конечной, я вышел и быстро пошёл до своей квартиры, чтобы, наконец, насытить свой желудок. Когда я пришёл домой, то увидел, что бабка что-то готовила на кухне, и разозлился из-за того, что кухня сейчас была занята. Мордвин был уже в комнате. Я открыл двери и зашёл туда, чтобы положить вещи, переодеться и просто отдохнуть, пока бабка не уйдёт с кухни. Серега, увидев мой галстук, посмеялся надо мной, не понимая, зачем я хожу с ним в универ. Да я и сам не понимал.

Не прошло и минуты, как бабка заглянула в комнату и сказала: – «Мальчики, если вы хотите есть, то идите, готовьте...»

Тяжёлый день был вознаграждён сегодняшним ужином, который я быстро поедал, слушая радио на кухне. После сегодняшнего дня наконец-то можно уже точно сказать, что теперь я студент.

IV Бездельник

Студенческая жизнь проносилась для меня довольно быстро. Ещё совсем недавно я шёл на свою первую пару, а теперь замечал, как приближается конец семестра и начиналась первая в жизни сессия. За это время для меня произошли важные события, которые я оставил в тайниках своей памяти.

После нескольких дней учёбы, я увидел в нашей беседе «1312» сообщение о том, что всем нам предстоит взять учебники в библиотеке. Тогда-то я и понял, куда собственно поступил. Среди множества пар по экологии, истории, да и той же информатики, было понятно, что я учусь в ВУ-Зе, получаю высшее образование, но само слово «строительство», ещё ограждало меня от будних дней. Я ещё ничего не знал о парах по инженерной графике, о рисовании на ИЗО – это все те предметы, которые в 1 семестре должны были напугать меня своим названием, так как я совершенно не умел ни чертить, ни рисовать.

Мы всей группой сидели в библиотеке и слушали двух женщин, которые объясняли нам, как правильно заполнять учебники и методички, после того, как нам выдадут их на руки. Потом одна из них стала рассказывать про другие библиотеки, которые находились в уголках этого университета. Я узнал, что где-то существует зал редкой литературы, ста-

ринной литературы, иностранной. Было бы интересно всё это увидеть, но после того, как нам выдали целую гору учебной литературы – интерес это резко куда-то пропал. Расположив свои учебники и методички по двум пакетам из пятёрочки, я пошёл на пары.

Как только я пришёл домой с учёбы, я сразу же выложил всю литературу на свой диван и стал её сортировать по всей комнате. Вообще, мне было интересно открывать каждую книженцу, заглядывать вовнутрь, смотреть картинки на страницах. Но самый большой интерес, при разглядывании книг, вызывал у меня маленький листочек, в котором расписывались все студенты, бравшие когда-либо себе данный учебник. Какие-то года на этих листочках уходили далеко за девяностые. Занятно было думать о том, как много лет назад по этим учебникам и дряхлым методичкам занимались студенты, которые уже давно закончили строяк, а теперь где-то работают. Где? Я не знал, я пытался разыскивать некоторые фамилии в интернете, однако, никаких сведений о месте их работе не находил.

Следующая миссия для нас была – оформление своей банковской карточки, куда должна была начисляться стипендия. Я совершенно не знал где находится улица Варварская, на которой находился филиал банка «Уралсиб», но после первого урока по ИЗО, который прошёл около 10 минут, я подслушал разговор у одноклассников о том, что они собираются пойти в банк сразу же, как завершаться все пары. Я

тут же примкнул к ним и после пар пошёл вместе с ними.

Мы шли по неизвестным мне ранее дорогам, но почему – то одноклассники мои твёрдо знали, где находится этот филиал. Я шёл вместе с Андреем Мешалкиным, с которым мы сидим на ИЗО за одной партой, а сзади нас шли Катя, Ира и Аня. Разговаривать мне было с ними не о чем, и я просто плёлся по этому холодноватому городу.

Когда мы пришли в Уралсиб, то заметили громадные очереди, идущие прямо с входной двери. Мы заняли места и простояли около двух часов, прежде чем, как вошли в кабинет для приёма. Всё это время Андрей постоянно разговаривал с девчонками, особенно с Ирой Кузнецовой. Я заметил, что она разговорчивая и тоже постарался поддержать разговор от скуки, поинтересовавшись у Иры, где можно купить такую же сумку, как у неё, для ношения ватмана, на что получил холодный ответ: – «В Арзамасе». Было понятно, что вся беседа была на этом закончена. С Андреем они как-то дружнее общались.

После того, как мы все дружно вышли из кабинета, то тут же пошли к банкомату за снятием наличных. Все мы сняли около 1400 рублей, которые были на карточке, кроме Мешалкина, у которого было 10 тысяч. Все мы были в лёгком удивлении и завидовали ему до того момента, как он не сказал нам, что является сиротой. Все эти 1400 рублей, оказывается, тоже не всем выдавали. Шёл только первый месяц учёбы, и было понятно, что никто этой стипендии не заслужи-

вает, но начисляли её, оказывается, тем студентам, чьи баллы по ЕГЭ превышали 200 баллов. К счастью у меня было их 205.

Прошло ещё не так много времени, когда в некотором изумлении я заметил, что у Мешалкина есть девушка, но изумление было не из-за этого, а из-за того, что своё время он постоянно так и проводил с Ирой. Мне было ничего не понятно, но это были не мои проблемы. Во всяком случае, я стёр свои сомнения насчёт того, что в тот момент, пока мы были в Уралсобе – я был белой вороной. А я ведь просто хотел тогда поддерживать отношения со своими одноклассниками, когда некоторые из них влюбились друг в друга. Забавно.

Часто, по утрам я замечал недалеко от своего дома чёрного котёнка, который был не таким взрослым, чтобы оставаться одним на этой одинокой улице. Возвращаясь после учёбы, я видел, как вечером его кормят какие-то бабушки и был рад, что хоть кто-то успевает его кормить. Сам я не мог, потому что стеснялся выносить какую-то еду из своего дома. Кошек вокруг было много, особенно около пятёрочки, тут я сдавался и, пока никто не видел, бросал сыр, самый дешёвый, который был в магазине. Не знаю, ели они его или нет, но совесть меня, по крайней мере, потом отпускала.

В то время, я не понимал, почему со мной так мало разговаривают. Я ничем не отличался от других и был не против поддержать какой-то разговор, но всякий раз, когда я са-

дился на первый ряд, то оставался один. И даже, когда на паре по философии были заняты все места, то рядом со мной опоздавший Чистяков всё равно не сажился. Тут я стал погружаться в себя и часто нервничать, потому что не знал чем себя занять без своего смартфона и без друзей.

– В следующий раз приду бухим в универ, – шутя, говорил я Мордвину у себя в комнате. Потому что просто не понимал, с чем может быть связано такое отчуждение.

В одно время на мой ум пришёл Букин, который жил в Нижнем, а раньше летом изредка приезжал в Пижму. Я написал ему, спросив его, пойдёт ли он в пиццерию. Всегда хотелось попробовать пиццу, так как в автобусах раздавали билеты, на которых красиво была вырисована реклама с пиццерией. Если на билетике, очистить защитную линию, то можно было бы увидеть, какую скидку можно получить. У меня накопилось этих билетов чрезвычайно много, и, собрав все их вместе, мы пошли в «Мир пиццы», где дружно пообщались друг с другом. Приятно, что кто-то в этом городе был ещё мне знаком, не считая Мордвина.

И всё-таки я не был белой вороной. На перемене перед лекцией по информатике, я познакомился с другим Андреем, теперь Монаховым. Мы тогда очень много чего обсудили, и я был рад, что, наконец, это глухое молчание было кем-то нарушено. Он, конечно, показался мне, да и не только мне, очень странным человеком, но не в то время, а после, когда я стал замечать, что он говорит какую-то ересь. Мона-

хов любил строить из себя человека, кем не являлся, постоянно добавляя в свой лексикон красивые фразочки из книг. Возможно, он стал таким из-за того, что он вырос в детдоме, и теперь, выйдя, так сказать, на волю, пытался стать другим человеком, показать себя свыше. Я этого не ценил в людях.

В конце первой же недели, после учёбы, я приехал домой и тут же был замечен Шеиным, своим одноклассником, который ночью позвал меня погулять. Осенним вечером около клуба, я рассказывал ему про свою теперешнюю студенческую жизнь и чувствовал, что вот эта жизнь стала немного для меня странна, так как я учился теперь в другом городе, хотя родился и вырос именно здесь, в Пижме. Именно тогда я подумал об этом и больше никогда не ощущал этого на себе. Теперь я жил в двух местах одновременно, не чувствовал преград. Оно возрождалось лишь только тогда, когда меня ждало такси на улице. Когда я садился в него – оно тут же исчезало.

Со мной случалось много странностей за этот семестр. Например, как-то раз я ехал в автобусе, передо мной сидела какая-то бабка. Она тогда спросила меня, куда я еду. Я ей ответил, что якобы домой.

– На Московский возкал? – снова спрашивала она меня.

– Да нет, я дальше. У меня конечная остановка, – опять объяснял я для неё.

Самое странное и немного смешное в том, что когда мы подъехали к Московскому, она, вставая со своего места,

немного тревожно спросила, почему я не выхожу.

– Наверно сумасшедшая какая-то, – говорила мне потом мама, когда я рассказывал про эту историю с ней по телефону.

Прошло ещё время, и я понял, почему со мной никто не старался заводить разговор. В первый месяц все одноклассники распределились между собой маленькими кучками и были счастливы этому, когда разговаривали и обсуждали какие-то новости. Я просто опоздал в этом плане. Да и всё-таки друзья, и знакомые чего-то стоят, а у меня их здесь совершенно не было перед поступлением. За сентябрь я понял, что многие из моих одноклассников учатся уже и со школы вместе: кто-то живёт рядом с друг другом, а кто-то в одном городе. Конечно, было сложно заводить разговор с нуля. Зато я выискивал среди этих эгоистов и нормальных людей, которым тоже было скучно, находясь в этом сереньком университете. К двум Андреям, добавился и Никита, с которым мы стали общаться очень много времени. Теперь и у меня сформировалась и своя кучка по интересам.

Никита был, конечно, совершенно другим человеком и он, конечно же, не строил из себя кого-то другого. Он просто был тем, кем являлся, и это было заметно по его характеру. Больше всех ему было ненавистно учиться здесь, потому что его родители заставили поступить сюда. Самое странно в нём было то, что в свои 17 лет, он уже хотел быть пенси-

онером, ему не хотелось учиться или работать. Он мечтал просто лежать на диване и ничего не делать. Для себя я нашёл друга, который мыслил неформально и был рад, потому что даже среди всех этих 30 человек, были пустышки, которые говорили только для того, чтобы говорить. Я пытался найти себе собеседника, с которым было бы, прежде всего, интересно что-то обсудить. Никита был полной противоположностью меня, за счёт этого, мы часто спорили – и это было круто.

На первой паре по психологии был опрос, в котором каждый студент из группы должен был встать с места и немного рассказать о себе, о своих увлечениях. Пока я слушал, как каждый говорил, что с детства увлекается плаванием, как играет в футбольной команде, занимается танцами – я думал, что же сказать и мне. В моей глухой Пижме я, конечно же, занимался какими-то делами, но о них было несерьезно говорить, особенно упоминать тот факт, что владею баяном когда, как многие другие владели фортепиано или гитарой. Когда подошла моя очередь, я сказал правду, без всяких понтов и шапкозакидательств:

– Я занимался баскетболом, футболом, волейболом, музыкой и ещё много чем, но так до сих пор ничего не умею, – сказал тогда я. Конечно, все засмеялись, я сказал глупость, мне было и самому смешно, но в этих словах я не соврал. Намного легче, когда ничего не придумываешь.

Время всё также шло и однажды, когда я шёл в универ,

то увидел на дороге раздавленного котёнка. Мои глаза пытались её не видеть, но я хотел верить в то, что это был не тот самый чёрный маленький кот. И как бы я не заблуждался в этом, котёнка этого больше никогда не видел. Время безжалостно ко всем, дни стирались день за днём, и на дороге осталось лишь плоская корка, которая прилипла к асфальту.

И вот пришли первые пары по инженерной графике. Не сказать, что я боялся их, но всегда надеялся на то, что первая пара пройдет, не так плохо, как думал. Однако первую пару я пропустил из-за вызова в военкомат, и переживал, как будет сложно, потом входить в инженерку. Да и ещё неприятно было говорить о том, что я пропустил первую пару. Никита рассказал мне, что было на первой паре, но это не помогло. На инженерной графике нам сразу же были выданы чертежи, в которых надо было найти ошибку. Никто ничего не нашёл, учительница немного разозлилась этому факту, и я стал тоже нервничать. Потом она указала нам на ошибки и рассказала, что будет в этом семестре, какие работы мы должны сдать. Не прошло и 10 минут, как тут же она выдала нам по заданию, в котором надо было перерчертить на свой лист разные линии и кружки. Вроде ничего сложного, но для меня было такое мучение видеть то, насколько быстро и легко выполняют это задание мои соседи, тогда, как я постоянно что-то стирал и снова вычерчивал одну и ту же линию. Ещё угнетал тот факт, что постепенно все мои одноклассники стали сдавать свой лист ей на про-

верку, а потом выходить из кабинета, когда как я только выполнял только половину задания. Я сидел рядом с Мешалкиным и был удивлён, что у него также всё легко получается, я не думал, что у человека-сироты, который к тому же и курит, такие способности. Мой стереотип по поводу синонима курящий – тупой был разрушен. У меня же на листе всё было грязно, небрежно, но я всё-таки получил три. Опять же, в этом ничего страшного не было, но такие нервные задания продолжались для меня по нарастающей. Я стал ненавидеть инженерку во вторник, которая была раз в две недели. Тут ещё и по ИЗО приходилось чертить непонятные для меня рисунки, в которых я совершенно ничего не понимал. Постепенно все мои задания стали обрастать долгами. После очередной неудачи я хотел только одного – отчисления, в то время я думал только о том, что не стоило сюда и поступать.

В какой-то день, когда нам выдали сложные задания с чертежами по инженерке, по окончании пары я вышел из аудитории и быстро двинулся к автобусной остановке. Я был чрезвычайно зол, у меня накопилось множество долгов и как все их рассасывать, я не понимал. Войдя, в нужный мне автобус, я случайно выронил тубус, который упал на грязный пол, тогда, в гневе я хотел пнуть его, но не стал. Я отыскал свободное место, кинул на него свою сумку с тубусом, и только потом сел на него. Напротив себя я увидел, как в конце автобуса сидела мама Клешниной. Что она здесь делала, я не понимал. Не знаю, узнала ли она меня или нет, но тут же я

постарался сделать спокойный вид и просто уставился в окно, размышляя о том, как приду в деканат и попрошу об отчислении.

Потом все мои долги резко канули в небытие, когда после очередного вызова в военкомат, я поехал домой аж на целую неделю. Дома было спокойно, вместо студентов меня окружали кошки, которые постоянно спали, задавая релакс и мне. Мама посоветовала мне обратиться к Наташе Копосовой, которая училась уже на третьем курсе. Так мне и пришлось покупать некоторые работы у Наташи, а потом и у других людей, раздавая деньги налево и направо, хотя до этого я пытался делать все задания сам. Зато теперь я был без долгов и счастлив, сидя у себя дома, занимаясь лишь с одним предметом – ИЗО.

– А что ты такое рисуешь? – спросила меня как то женщина, которая пришла к нам домой, чтобы снять показания со счётчика. – Я тоже мечтала в строительный поступить, любила чертить в детстве, – говорила она мне.

– Это перспектива здания, – объяснял я. По её глазам было понятно, что она не совсем поняла, что я сказал. Собственно и я не особо понимал, что черчу, просто знал – перспектива и всё тут.

Как раз в это время вовсю шла аттестационная неделя – середина семестра, в которой каждый был чуть не в себе. Мои оценки были не так уж и плохи в итоге, много у кого были и нули, и двойки. У меня 3,5, можно сказать 4, как соб-

ственно мама и сказала моим учителям в школе. Математика испортила всё – я получил за неё 1,3 балла и был даже горд собой, так как выполнил хоть что-то, ведь я совершенно ничего не понимал в ней и на парах всегда мечтал о том, чтобы меня не вызывали к доске. Два раза я всё-таки вышел в семестре и немного опозорился, забыв как вычислять логарифм.

После этой аттестационной недели дела пошли на лад. Я снова стал справляться со своими долгами, вычерчивая рисунки по ИЗО, которые я также никому не отдавал за меня делать, хотя и не особо справлялся с ними. Подходил ноябрь, на наш город опустился первый снег, всё вокруг приобрело белый тон и даже ту самую корку на асфальте, к моему счастью, теперь покрасили собой сугробы. Первый морозных выдох, всё новое. И как будто ничего для меня здесь и не было, будто и не сидел я в том самом автобусе и не смотрел в окно, думая об отчислении. Будто и не переживал я о том, что со мной никто не общается, будто и не был я одинок. И вот первый снег, началось всё заново.

Когда после очередных недель учёбы я поехал домой, то в электричке после пересадки в Урене увидел двух знакомых моему брату его одноклассников – Милосердова и Вовчика Толстоухова. Они сели рядом со мной. Конечно, я повёл себя неправильно, когда вместо того, чтобы поздороваться с ними, сделал вид, будто бы не обращаю на них внимания. Когда моя маска растаяла, мы пообщались и Толстоухов рассказал

мне много чего интересного, ведь он также учился в ННГА-СУ.

– Выучишься и поймёшь, как нахер тебе не нужен будет твой диплом, – говорил он мне.

Прежде всего, он посоветовал мне подходить к каждому препода и спрашивать, мучить его вопросами, если у меня что-то не получается. Так я собственно и последовал потом, постоянно терзая учительницу по ИЗО бесконечными распросами. Зато теперь я стал успевать во всём, сидя ночью, под маленькой синей лампой, купленной за 39 рублей, и вычерчивал карандашом свою комнату, как сказано в задании, на ватмане, пока Мордвин всюду храпел.

С Мордвиним было всё также не так просто. Самая главная его неадекватность заключалась в том, что строго в 22 часа он выключал свет. Я всячески пытался что-то противопоставить этому, но всё было бесполезно. Я не собирался играть в какие-то детские игры и постоянно бегать за выключателем и снова включать его. Пришлось смириться. Я похоже вырос из этого.

С бабкой сначала тоже установились мутные отношения, прежде всего из-за того, что я сломал антенный кабель к телевизору. Я постоянно старался наладить качество картинки, выкручивая провод во всякие стороны, и через некоторое время он стал болтаться на соплях. Не понимаю, зачем вздумалось Людмиле Николаевне его отрывать. Я спорил с ней, но понимал, что в этой комнате она устанавливает

права, ничего не поделывать. Потом всё наладилось, я помогал ей где то по дому, всё было нормально.

Но время всё летело и летело и наконец, наступил конец семестра – время, когда за одну неделю нужно сдать все зачёты, чтобы потом счастливым себе уехать домой и начинать праздновать Новый год. Это было всегда самое сложное время, прежде всего из-за того, что, несмотря на то, что на тебя надвигались новогодние праздники, в спину к тебе всегда злобно дышали несданные зачёты.

– Да у нас отчислили то всего 2 человек, и то они были реально тупыми, – успокаивала меня Копосова, ответив на мой вопрос, отчислят ли меня. Правда, за это я переживал больше всего в этом семестре.

Я ехал домой после универа, было уже очень темно, мне было плохо из-за того, что в моём новеньком купленном пальто, было, очень жарко находится в автобусе. Ближайшие зачёты надвигали на меня страх. Как же мне не хотелось прощаться со своими одногруппниками, пускай, и с большинством из них я и не общался, но с ними было весело, и я не хотел покидать их присутствия. Никогда я не видел таких разных людей, интересных людей. Их было приятно слушать в отличие от своих же одноклассников.

– Городские люди менее злы, чем деревенские, – говорила когда-то в школе Скоробогатова. Теперь я понял это.

Копосова всё реже и реже стала отвечать на мои сообщения, и в один миг, мне предстояло сделать и сдать работу

буквально в один день, из-за того, что я надеялся, что моё задание выполнит именно Наташа. Все зачёты были сданы кроме одного, самого ужасного – инженерная графика.

Было около восьми утра, я встал пораньше и искал в интернете объявления, кто может начертить мою работу. Среди объявлений на avito, я нашёл одну женщину, которая на моё удивление, готова была сделать моё задание сегодня за несколько часов. Я тут же соскочил с дивана и, одевшись, направился к остановке. Было очень темно, ещё никогда я не ездил в столь раннее время. Ещё никогда я не видел пробки, идущий прямо с начала моей остановки, обычно они начинались перед Канавинским мостом. Холод, пробки, темнота и постоянное зевание заставляли меня всё бросить и идти спать, но я никогда не схожу с дистанции, сдавшись в начале пути. Когда подошёл мой автобус, я сел в него и тут же закрыл глаза, надеясь на то, что меня не попросят встать с места, потому что на первой же остановке вошло много людей и заняло места. И, правда, когда автобус остановился на Московском вокзале, я услышал, как тут же затопали люди в салоне, по множеству голосов было понятно, что будет забит весь автомобиль. Меня бесило, что среди них было очень много старушек, причём с тяжёлыми сумками – меня всегда это бесит. «Ну почему их так всегда много?» – спрашивал я себя. – И, вроде, ты не обязан им уступать своё место, но всё-таки приходится вставать, когда замечаешь постоянные строгие и невольные взгляды со сторо-

ны. Ещё больше всего меня бесило то, что, когда освобождаешь место – на него никто не садится. Зачем тогда и вставал? – Утренний автобус всегда обгладывал меня такого рода вопросами.

Когда я вышел из этого ада, то ещё много времени искал нужный мне подъезд в Верхних Печорах. Пары начинались с часу, так что время было ещё предостаточно. Верхние Печоры мне показались довольно странными, так как здесь стояло много высоких квартир буквально в пустырях, вокруг не было никаких магазинов, ничего, кроме разлетевшихся по дорогам новеньких квартир. Когда я нашёл нужный мне дом, то тут же позвонил женщине, которая должна была сделать задание. Она открыла двери, я отдал ей все чертежи, а потом спросил про сроки. Её ответ удивил меня – всё будет готово через три часа. Я очень обрадовался данному факту, завтра был последний срок сдачи, и я под него успевал.

В этот же день после пар я снова скатался до её дома. Я был поражён качеством исполнения и был удивлён ценой за всё это. Всего 300 рублей. Раньше я был готов отдать за это даже и 1000, ведь учительница по инженерной графике уезжает в отпуск на целый месяц, и если бы я не успел начертить всё это, то неизвестно, что пришлось бы мне делать.

– А ты из какого университета? – спросила меня эта женщина.

– ННГАСУ, – ответил я.

– Странно, обычно ко мне обращаются студенты из поли-

теха. Ты первый, кто из строительного, – задумчиво сказала она.

Было даже стыдно, что я – студент строительного университета и заказываю чертежи, вместо того, чтобы чертить их сам. Но таков был мой выбор, я дождался второго курса, где можно было уже чертить на компьютере. Может там мне будет легче, всё-таки не нужно постоянно что-то стирать и снова вычерчивать.

Я вышел из её новенького дома, перед этим ещё раз поблагодарив за выполненную работу, так как она была сильно нагружена ими сегодня, и вышел на улицу. Недалеко от остановки я увидел «Магнит» и недолго думая пошёл в него, потому что целый день сегодня ничего ещё не ел. В магазине среди еды я остановил свой взор на шампурках и решётке. В этот момент я подумал, что было бы неплохо купить это и попробовать сделать шашлык на Новый год. Завтра всё-таки последний зачёт, завтра я наконец-то поеду домой... Я купил себе решётку с шампурками и направился к остановке.

– Ребята, сегодня мы выдадим вам зачётки, как и обещали. Пожалуйста, не теряйте их, – говорил Петров на последней паре по математике. Когда наступила моя очередь для взятия зачётки, я подошёл, расписался в ней и двинулся к парте, чтобы поскорей рассмотреть её. Интересно, трудно ли будет сдавать экзамены? Надеюсь, нет.

V Жизнь в стёклах

Приближался Новый год, всё вокруг окрашивалось в таинственный белый цвет и моё путешествие в Нижнем Новгороде стало казаться мне чем-то нереальным. Я не ощущал на себе всю эту взрослую студенческую жизнь, где я жил рядом со своим другом после школы и сам ходил учиться в универ без какой либо помощи. Вообще, было бы странно, если кто-то помогал мне в этом, однако, жизнь превратилась для меня в какую-то параллельную реальность, где «один я» до сих пор учился в школе, а «другой я» уже обитал в городе и учился в ВУЗе, как и мечтал об этом в школе.

Когда наступила зима, и по вечерам из моего окна был виден лишь тусклый желтоватый цвет фонарей около дома. Когда белые снежинки, падая, танцевали и окрашивались с этим жёлтым цветом. Вот тогда мне стало казаться, что жизнь моя превратилась в сказку. И это была не та сказка, где всё разделялось на добро и зло, это была не та светлая сказка, которую читают детям их родители. Это была сказка, которая не могла существовать в реальности. Я просто не верил, что я учусь в университете, один такой, самостоятельный и справляюсь со всеми делами, а где-то даже преуспеваю.

Не зря по ночам мне до сих пор снилась школа, где я якобы до сих пор учусь. Причём учусь я не во взрослых классах,

а где-то чуть поменьше. Ночью, перед моими замкнувшимися глазами, мимо меня пролетали школьные истории, где я всегда сижу на одном и том же месте, в одном и в том же кабинете. Это кабинет математики, где всем заведует Александр Леонидович, он же Правдин. Правдин в своей излюбленной манере всё так же одновременно смеётся и одновременно злится, ударяя своим волосатым кулаком по столу, по которому раздаются дребезги от лежащих канцелярских товаров. И как обычно приходит моя очередь выходить к доске. Как обычно это бывает, я проваливаюсь при решении задачи, и он меня тщательно обругивает, а потом я с досадой на своей физиономии сажусь за парту.

Я просыпаюсь утром из-за того, что сверху всё как обычно кто-то катает непонятные шары, которые ровно в 9 утра будят меня. Я прошёл всю суровую школу засыпания по утрам, но технологию катания шаров, я никак переспать не мог. Вся эта школа заключалась в том, что мне каждый утренний день в 7 утра приходилось справляться с невероятным давлением Мордвина, который постоянно вставал раньше меня и начинал пил чай на своей кровати. Да и ладно бы он просто пил его, но он ещё смотрел телевизор, пусть и негромко, и в изящном стиле причмокивал, поедая печенье из своего шершавого пакетика. И если убедить отказаться его от ТВ по утрам мне ещё как-то удалось, то его утренний завтрак устранить я так и не смог. Тогда я просто, уже по проверенной схеме, как слышал будильник, сразу же снимал подушку

со своей головы и клал её сверху, крепко при этом прижимая к своему уху. Так я и спал, с частыми перерывами, потому что уши затекали, и из-за этого часто приходилось ворочаться в кровати. Да и из-под подушки были всё равно слышны все его периоды длительного вываливания на улицу, которые я уже различал по звукам:

- Долго зевает – проснулся;
- Шуршит пакетом и причмокивает – поедает завтрак;
- Потрёскивает своим ремнём, сужая его по своей талии – одевается;
- Звенит ключами – уходит.

И тогда, как я слышал, что ключи начинают звенеть, тогда я снимал с себя подушку и спокойно продолжал спать. Однако ближе к зиме я перестал замечать все перечисленные пункты, потому что постоянно страшно хотел спать. И буквально положив на себя подушку, я сразу просыпался, думая, что мой будильник неправильно заведён, но, увы, по заправленной кровати Мордвина и часам на стене было понятно, что часы работают исправно, и мне пора вставать. Катание же шаров всегда заставляло меня проснуться, потому что это было так громко, что было слышно сквозь подушку.

Вставая утром зимой, я радовался, что я учусь во вторую смену. Я совсем не представлял, как можно учиться с 7 утра, просыпаясь в такую тёмную погоду, это ведь очень неприятно.

Часы показывали 11 утра, я медленно готовил себе ка-

шу и в половину первого выходил на улицу, чтобы успеть прийти на первую пару. На улице было холодно, я быстро шёл до своей остановки и с нетерпением ждал автобуса. Когда приходил мой железный дружок, я с довольным лицом садился на свободное место и обогревался мотором. Всегда было приятно осознавать, что моя остановка была как начальной, так и конечной. Я всегда мог занять свободное место, когда ездил в универ, но после универа очень часто я еле влезал в него.

Люди в автобусе мирно о чём-то беседовали, а я смотрел на окружающую жизнь вокруг автобуса, который катал меня эти полчаса по городу. Обстановка была уже праздничной, новогодней. Где то стояли ёлки, сверкали гирлянды, а пешеходы, как и я, озаряли своими глазами всё вокруг.

Постоянно было неприятно выходить из автобуса, спускаясь во всю эту суету. Отвратительно выходить из тепла на такой холод. Я быстро пробежал вокруг людей, чтобы поскорей зайти в универ, где мне дополнительно приходилось стоять в очереди, чтобы оставить свою одежду в гардеробе.

Пары на сегодня стояли не такие серьёзные. Можно было не переживать о решении каких то непонятных задач, переречивании чертежей. Нужно было лишь только отсидеть парочку лекций и со спокойной душой, потом идти домой.

Проходило буквально две пары, а таинственная ночь уже падала на этот старый город. Я жил буквально 3 часа под солнцем, остальное время замечал только вечную ночь. По-

следней парой была экология, которой предшествовала та же экология. Пара заканчивалась в 18:45, и все умоляли препода поскорее закончить его с практикой. Но всё зависело не от него, а от докладчиков, которые за скорейшее время должны были прочитать свой доклад, ответить на пару глупых вопросов от Мозжухина и с оценкой «5» при любом раскладе, идти за парту и ожидать, когда совершится этот же круг при другом докладчике.

Надо признать, что сегодня одноклассников осталось очень мало, всего человек 15. Остальные слиняли ещё до пары, потому что была пятница, и все мечтали поскорее уехать домой. Мне торопиться было некуда, и я, заняв хорошее место, сидел на первой парте, играя в PSP. Мозжухин же делал всё иначе. Свою тоску он запивал сном, откуда с закрытыми глазами слушал докладчика, пока тот пытался как можно скорее избавиться от своего длинного текста.

Но сегодня был особенный день, сегодня отвечал я. Перед переменой, пока Дима Третьяков с тряпкой в руках носился за Максом Киселёвым, я сидел и вспоминал школу, когда точно также и я бегал за Мальцевым. Дима явно не хотел бегать, но он считал себя высокомерной личностью и при попадании на него тряпки с честью избавлялся от неё, перекидывая её на Макса. Киселёв же кидал тряпку обратно на Димана, и этот весь круговорот совершался снова и снова. Готовиться было сложно, а уже скоро должна начаться пара.

Когда началась пара, то через некоторое время пришла

и моя очередь докладывать. Я встал около стола и начал читать свой плохо заученный доклад. Моя тема была про загрязнённые места в Нижнем Новгороде. Я считал, что это очень интересная тема, но все одноклассники торопили меня, чтобы я поскорее заканчивал своё чтение. Не рассказав и половину, чего я хотел, я закончил. Мозжухин тут же открыл свои глаза и спросил меня, сколько районов я знаю в Нижнем Новгороде. Я ответил, что 5. Затем он спросил, знаю ли я их площадь. В голове я сосчитал площадь этой аудитории, умножил её на наш город и ответил, что 50000 метров квадратных. Он задумался над моим ответом на секунд 10, а потом посадил меня за парту, поставив отличную оценку себе в журнал. После меня ответило ещё два докладчика, и со спокойной душой Мозжухин отпустил всех нас пораньше домой.

Мои часы показывали 18:00, я быстро шёл до гардероба, чтобы забрать свои вещи. Я оделся, попрощался со всеми и вышел на улицу. Тут меня пронзило всё великолепие вечерней зимы. Я шёл до остановки, из носа моего шёл пар, на этих зимних улицах было немного темно, но свет фар и фонарей старались освещать мой путь. По радио играла моя любимая «Snow» RHCP. Когда я пришёл на остановку, то увидел, как издали приближается мой автобус, на котором гирляндами был выкрашен номер 26. Автобус остановился возле меня, открылись двери, и тут неожиданно в моих наушниках заиграла новогодняя песня в рок обработке

«Mr. Sandman». Тут же вся сказка ещё больше поглотила меня в свои объятия, и я перестал верить в реальность.

Приближался Новый год, я слушал эту магическую музыку по радио, наблюдая за зимней сказкой из окна своего автобуса, в которое снежинки ударялись друг за другом, а потом медленно стекали по стеклу. Вокруг не было ничего видно, город погрузился в яркий белый снег, разведённый разноцветными огоньками. Всё вокруг кружилось, мерцало, словно танцевало под мою музыку, а я не верил всему этому. Я мечтал, чтобы поскорее наступил этот праздник, в который я приеду к себе домой... Теперь уже надолго.

VI Завтра война

Я шёл быстрым шагом до кабинета, назначенного в расписании для экзаменов. Впереди меня виднелись мои одногруппники. Я прошёл мимо всех, выбросив из себя слово «привет», ответа не последовало. Первый семестр я ни с кем не общался. После школы как-то не было желания с кем-то говорить, заводить новые знакомства. Учёба ещё больше приобщила для меня это странное желание. Я только и делал в этом семестре, что просто ходил в универ, и, несмотря на всю сложность и нетерпимость к предметам, старался наслаждаться учёбой. Мама тогда говорила: «Он весь в учёбе, какие гулянки? Нет».

Сегодня переживать было не за что. Это был первый экзамен в жизни, и за него мне присуждалось гордые 3,5. Для этого я два раза в конце семестра вытягивал эту оценку с 3,3 до 3,5. В первый раз я ответил быстрее всех на вопрос учительницы по английскому. Я сидел в «слепой» от неё зоне и тогда просто нашёл ответ в гугле. Но радоваться было нечему, она присудила мне за ответ 0,1 балл и моя оценка возросла с 3,3 до 3,4. Из-за этого она дала мне отдельное задание, в котором я рассказал небольшой текст о Лондоне, чтобы окончательно добить свою оценку до 3,5. Тогда я думал, что быть на стипендии не так и сложно и всеми способами старался вытягивать свои оценки на 3,5 и выше.

Когда пришла учительница на экзамен, наша слабая подгруппа тут же выстроилась в очередь для того, чтобы каждому поставили автомат. Сильная же группа сдавала экзамен, готовясь к большому тексту. Всё-таки хорошо было быть в слабой группе. Оценки были у всех хорошие, и я радостный ждал, когда придёт моя очередь. Но счастливая лыба у меня продержалась недолго. В первый же экзамен, в первый же автомат я был в первый раз не допущен. Я совершенно не знал, что мне делать и задался этим вопросом у препода. Она посоветовала идти в деканат, самое страшное место в универе для меня.

По дороге я уже размышлял о том, как мне придётся сдавать прошлый зачёт по основам строительства, на который я вообще не приехал прошлой осенью, когда вся группа сдавала его, хотя можно было сдать и весной. Тогда я не приехал на него, потому что был занят другим важным делом – сдачей лаб по информатике и они волновали меня куда больше. Кстати, эти лабораторные были тоже для меня возможной причиной недопуска к экзаменам. Опять тогда, осенью, я положил все свои отчёты на стол Андрея Борисовича и даже не знал, проверил он их или нет. И вместо того, чтобы позже его спросить об этом, я волновался до сего экзамена.

Но всё оказалось куда проще – учительница по ИЗО просто забыла поставить мне оценку в ведомость. Тогда, в конце декабря нам нужно было сделать 3-D модель коттеджа, и сколько бы я не пытался, самый главный элемент – крыша

у меня не получалась. В итоге к её удивлению я так и сдал ей коттедж без крыши, может, она так была этим потрясена, что и забыла поставить мне оценку, не знаю. Во всяком случае все мои переживания насчёт лаб и сдачей зачёта по строительству тут же канули в бездну. В деканате меня спросили, как зовут моего преподавателя по английскому языку, чтобы подписать допуск на экзамен, но я не мог ответить, так как не знал. Тогда я усвоил свой первый урок, что нужно всегда записывать инициалы своего препода. Теперь этот ритуал я стал соблюдать каждый раз вначале первой пары. Не сказать, что я всегда боюсь того, что буду опять не допущен, и меня опять будут спрашивать в деканате о ФИО препода, нет. Жизнь научила меня, что преподаов надо знать всегда. А то получится как в декабре прошлого года, когда я окликивал свою учительницу по истории, чтобы узнать, когда сдавать реферат: «Белоус, Белоус!», так как не знал её имя и фамилию. Хорошо, что Белоус тогда меня не услышала.

Получив первую оценку по экзамену в зачётку, я в своей комнате быстро смотал все свои вещи обратно и уехал домой в Пижму. Экзамен по истории, который мне предстояло сдавать после английского, тоже был награждён в этом семестре автоматом. Поэтому дома я стал готовиться к последующему экзамену, к информатике. Одновременно с этим я также готовил бомбы по математике.

На экзамен по истории я ехал уже полностью спокойным, так как точно знал, что допущен. Тем более у меня был ав-

томат, такой участи из группы было удостоено всего 2 человека, и я был горд собой, что такой бестолковый в прошлом школьник, получил по такому нелёгкому, как мне казалось, предмету – отлично. Моя школьная учительница по истории была бы, наверное, рада.

Придя на экзамен, я был снова удостоен новой для меня традиции недопуска к экзамену. Тогда я уже знал, куда мне стоит идти, и как зовут моего преподавателя. Всё-таки она была нашей классной. В деканате, как и в принципе и ко всем, мне были не рады. Провернув ту же процедуру, как и в прошлый раз, мне отдали зачетку, и я побежал за своей заслуженной оценкой. Непонятно, почему в деканате так и не вписали мою фамилию в официальную пересдачу, видимо лень. По истории я получил своё заслуженное «отлично» и снова уехал домой. Мордвин же всё это время сидел в Нижнем и продолжал учиться, завидуя мне.

К информатике я готовился основательно, не знаю зачем, но учил только теорию. Практику я совершенно не понимал и даже не хотел понимать. На этот раз я был допущен, узнав об этом заранее, спросив учительницу перед экзаменом. Всё было неплохо. Люди выходили довольные из аудитории со своими зачётками, и это придало мне уверенности, пусть я и не знал, как решать примеры.

Через некоторое время я зашёл в аудиторию в числе последних. Всё действие там продолжалось для меня недолго. Я сразу же сказал, что не умею решать примеры, из-за чего

она стала гонять меня по теории. Я ответил на все её многочисленные вопросы и получил свои жалкие 3,3. Если бы я тогда общался со своими одноклассниками, то возможно и решил бы практику. При мне же даже были послабления, когда учительница выходила позавтракать, оставив нас наедине с лаборанткой, но списывать мне было не откуда. Теперь я был лишён стипендии, но почему то не переживал насчёт этого. Как то с этого момента в мою голову впало, что главное нужно сдать, а не стараться вытягивать свои оценки на 3,5 и выше.

Счастливый я поехал домой на дневной электричке. Бабушка то и дело видела, как я приезжал, да уезжал. По дороге в Пижму меня ко мне присела какая-то проводница и стала расспрашивать, где я учусь и на кого. Мне как-то и самому было интересно ей рассказывать о себе, и через что я уже прошёл в учёбе. От неё я узнал, что я сибиряк, раз живу в таком северном посёлке, как Пижма. Но ответить на её вопрос, какие растут там деревья, я не смог. Вообще из деревьев я знаю только дуб, берёзу и сосну, остальное для меня не важно. Она пошла в другой вагон электрички, а я сидел и гордился, что учусь на инженера в ННГАСУ, и что оказывается я сибиряк.

Эта сессия мне нравилась. В школе меня всегда настегал большой объём знаний, поданный особенно от Александра Леонидовича и прочих учителей. Сидя в школе, я верил, что в универе учиться, придётся не так много, как в школе. В этом

меня уверяли и знакомые, и сериалы про учёбу, например, такие как «Универ». И пусть это оказалось неправдой, зато семестр пролетел для меня пусть и сложновато, но интересно, а сессия – это всего лишь месяц отдыха, как я думал сейчас. Но настоящий экзамен ожидал меня впереди, он был как раз таки и последним в семестре.

Всё время перед последним экзаменом глупый и наивный я нарезал бомбы с ответами по математике и одновременно в голове продумывал ход будущих действий для получения оценки в результате списывания. За день до экзамена я спокойно собрал сумку, посмотрел ролики в YouTube и на 10-часовой электричке уехал в Нижний. По дороге я ничего не делал, по приезду на квартиру тоже.

За день до экзамена я ещё раз посмотрел всё ли готово и пошёл, конечно же, в театр на постановку Сергея Безрукова в роли Сергея Есенина. Билет на спектакль я купил ещё в сентябре, увидев плакат с его лицом на вокзале. Тогда я понял, что пока есть такая возможность, то нужно обязательно сходить и посмотреть вживую на Безрукова.

В ТЮЗе я получил море незабываемых эмоций и очень прочувствовал ту атмосферу, которую увидел в тот день. Сидя перед сценой, я представлял себя Хрущёвым, который перед возможной всемирной войной тоже пошёл в театр, чтобы смотреть балет. Не зря я готовил реферат по истории на тему «Карибский кризис».

На экзамен по математике я поехал совершенно с пустой

головой, лишь зная те азы, которые я помнил ещё со школы. Когда я приехал, то увидел уже всех своих одноклассников, стоящих возле аудитории. Тут ко мне пришло волнение.

Когда препода открыл аудиторию, мы все тут же вошли в неё. Я сел в конце третьего ряда справа. Хорошее место для списывания. Но тут же преподаватель Петров нарушил все мои планы и приказал убрать сумки к стене, которая находилась сзади нас. В сумке лежали все мои приготовленные бомбы.

Через некоторое время моё разочарование сменилось безысходностью. Билеты были совершенно другие, не те на которые я убивал своё время, исписывая бумагу. После 5 минут я понял, что этот экзамен не сдам. Надеяться было не на что. В этом я убедился ещё тогда, когда увидел, как Петров подошёл к окну и стал смотреть куда то в сторону, а потом резко обернулся в сторону нас. У некоторых, кто списывал тогда, даже вздрогнули руки. Одного человека он тут же строго попросил привстать, но тот, как потом оказалось, умело замаскировался и успел спрятать свою шпору.

Через 3 года я узнал о том, что один человек купил оценку в тот день. Если бы мне тогда предложили бы это сделать, я бы, наверное, с лёгкостью согласился, но нынешний я – точно нет.

Поняв, что всё безнадежно я осмелел и пытался как-то достать сумку, которая была рядом со мной у стены. В один момент, пока он общался с Коганом, о котором предупре-

ждала меня Оля Клешина, я выхватил сумку и вытащил из неё листки. Быстро пролистав их, я не смог найти похожие примеры, всё было кончено. Я кинул листки в свою зимнюю шапку и закрыл её ушками. Странно, что Петров не просил меня отложить шапку в сторону.

Времени не оставалось. Я написал глупую теорию, но так ничего и не решил. Как закончился экзамен, я, выйдя из кабинета, спонтанно подошёл к Антону Харитонову и стал спрашивать его о том, что может ли Петров мне поставить хотя бы 2,5 за 2 строчки, но Антон в ответ мне только улыбнулся. Всё было и так понятно.

Я осознавал, что мне нечего теперь терять, и чтобы не тратить своё время, я в числе первых пошёл в кабинет к Петрову. К моему удивлению он стал меня натаскивать на положительную оценку, но я совершенно ничего не знал. Мне стало стыдно за себя, потому что ему стало стыдно за меня. Я не сдал. Этот экзамен повлиял на меня потом в будущем.

До часовой электрички оставалось всего полчаса, и я, как неадекватный, побежал на остановку, а потом к себе в квартиру, где, наорав при бабке на Мордвина из-за его медлительности, схватил сумки и побежал к метро. До электрички оставалось всего 10 минут, когда я только сел в вагон в метро, идущий до Московского вокзала. Когда я вошёл уже в вагон на вокзале, то по своим часам увидел, что до отправления осталось всего 3 минуты.

Я был зол. Как только я сел на своё сиденье я стал учить.

В моём PSP уже была забита большая книга из 100 страниц А4 «64 лекции по математике», которые я хотел когда то прочитать, но лень постоянно убеждала меня в ненужности этой большой книги.

Сидя в вагоне, я полностью проработал все страницы и понял, что нам даже многое не объясняли в этом семестре. Я прочитал даже введение и заключение в этот день. Я зачитал половину учебника тогда, когда только приехал в Пижму. Но когда я шёл домой, то из моей головы не выходила мысль о том, что я сегодня не сдал. И я продолжил учить, как только пришёл домой. И даже когда я всё выучил в этот день, то я начинал учить всё заново. За эти дни перед передачей я полностью зазубрил всё и был готов уже на все без преувеличения 100 процентов.

Теперь я несколько не переживал по поводу каких-то спрятанных бомб, ответов. Пару шпор я всё-таки сделал по теории, потому что никак не мог зазубрить совсем непонятные мне вещи. К моему удивлению в аудитории было около 50 человек, да и ещё все места сзади были заняты. Я кое-как нашёл лишний стул и сел перед первой партой рядом с какими-то девчонками, которые очень сильно переживали.

Раздав билеты, одна девчонка попросила меня поменяться с ней билетом, но я с ухмылкой ей отказал, однако позже пообещал помочь. Экзамен шёл плавно, как вдруг неожиданно Петров попросил вытащить нам свои зачётки. Вроде ничего страшного, но в моей синей книжице лежали шпоры.

И опять же ничего не было бы страшного, но он стал пролистывать каждую зачётку, чтобы увидеть фото и сравнить со студентом. Когда он взял мою зачётку, то тут же я увидел, как моя шпора плавно полетела вниз. С меня сошло 100 потов, но он не обратил на этот маленький листочек внимания. Тогда моё уважение к нему возросло, а, хотя, может, он и просто не заметил его.

Время шло, и за короткий период я ответил на все вопросы, а потом постарался, как и обещал, помочь рядом девчонке подготовить и её ответы. Намного позже я узнал, что её отчислили. Не знаю то ли после этого экзамена, то ли после. «Она тупая» – такую краткую характеристику я получил от своего одноклассника с ПСМ, когда с удивлением снова увидел её среди перваков.

Выйдя из аудитории, я внимательно стал слушать, что повторяют мои товарищи по несчастью. С удивлением они посмотрели на меня тогда, когда я всем им подсказал ответы на все их вопросы. «Что я здесь потерял?» – спрашивали они меня и этот вопрос был выше всяких похвал. Поэтому я пошёл первым защищать свой листочек. Я зашёл в аудиторию, вдалеке от меня сидел Петров и просил, чтобы я достал свою зачётку. Отыскав её своими дрожащими руками, я тут же отдал ему её в руки. Он посмотрел на мой листок и стал спрашивать меня чисто по билету. Я ответил на все вопросы, а потом в ход пошли уже дополнительные, в которых я стал путаться.

– В голове у тебя всё перемешалось, но говоришь ты правильно, только путаешь, – сказал Петров, а потом поставил 2,5.

Я вышел из аудитории, меня сразу же стали спрашивать о том, какие он задавал вопросы. Я старался отвечать всем. Подходило всё больше и больше народу, и я, как славная поп-звезда, отвечал по очереди каждому на вопросы этих репортёров. Радости никакой не было. Я знал, что сдам экзамен в этот день, но чуть был огорчён из-за того, что с такой подготовкой получил всего лишь 2,5. Арарат как то на перемене по химии сказал мне, что, если бы он сдавал математику в первый раз также как и на пересдаче, то получил бы точно 5. Наверное, и я тоже.

Я приехал домой, мама была счастлива. Мне было совершенно наплевать. У меня было всего 3 выходных дня до начала следующего семестра. Я старался отдыхать, но постоянно мерцающие в голове цифры мерещились мне даже во сне, где я старался решать уравнения в отдалённых тёмных стенках своего разума.

1 сессия за которую переживают все первокурсники – была сдана. Дальше, наверное, будет ещё сложнее.

VII Дальше действовать будем мы

Я печатал расписание, пока сидел у папы, и, не теряя времени на экране его компьютера просматривал каждый предмет, с которым мне предстоит связаться. Термех, химия, физика... – Ну привет, строительный университет. Теперь у нашего потока пропала моя любимая психология, экология и ещё пара лёгких предметов, зато отныне я должен был выгрызть гранит науки, причём технической.

Одновременно с предметами я также проглядывал своих будущих преподавателей. Ведь не предмет диктовал сложность, а именно учитель, который будет его преподавать. Конечно, отзывы о некоторых из них были отнюдь не позитивные. В нашей беседе «vk» также разрывались бурные разговоры о том, какие жёсткие преподаватели нам достались – я следил за этим и портил себе настроение. Ну что же, похоже, этот семестр будет ещё сложнее, чем первый, хотя меня так уверяли в обратном...

Когда я встретился со всеми предметами, то понял, что все разговоры оказались правдой. По термеху с самой первой же пары я перестал, что-либо понимать и сразу пошёл уже по знакомому мне пути – покупать все расчётно-графические работы. А стоили то они всего 600 рублей – очень дешево. На парах по термеху я скучно провожал дни, а зачем во что-то вникать, если у меня всё готово?

Следующим новым для меня предметом была физика, в которой я очень сильно разочаровался. Из двух зол мне попало худшее, имя его было – Колпаков. В первый же день мы стали решать задачи, и я понял, что от этого человека ничего хорошего ждать не стоит. Всё-таки за этот семестр надо было ещё сдать лабы Колпаку в количестве 4 штук, а в физике я разбирался очень плохо. Спасибо, ЕГЭ.

По химии нам попался Яблоков – имя, которое некоторые люди вспоминают с дрожью. Как только он вошёл в аудиторию, он сразу задал нам всем вопрос:

– Что самое главное должно быть на столе у студента? – спросил Яблоков. Среди нас были смельчаки, которые что-то отвечали ему, но все ответы были неверны. В итоге он ответил сам:

– Ручка, словарь и библия, – строго сказал он.

Вообще самой пары то и не было. Он рассказывал нам о своей жизни, как стал профессором. Яблоков поведал нам о том, как будучи маленьким пацанёнком он зарабатывал деньги на улицах и при этом тщательно изучал химию. Он спрашивал нас, почему же и мы не можем вырасти в того, кем хотим быть, почему не изучаем предметы, ведь у нас есть всё, что для этого нужно: дом и пища – самое важное, что есть в жизни по его мнению. Я мысленно соглашался с ним и позитивно настраивался на этот предмет, пусть и совершенно не знал его. Всё-таки в его словах была правда, стоит реально что-то учить и знания придут.

В этом семестре в ЦУМе я прикупил себе красный галстук с белой рубашкой и запонками, чтобы ходить во всём этом в универ. И как же это выглядело всё глупо со стороны. Меня постоянно не покидало стремление выделиться в чём-то, показаться лучше по сравнению с другими студентами. Когда я понял, что слишком выделяюсь из группы – я перестал надевать эту рубашку, пока ещё не до рос.

Так же в этом весеннем семестре я расширил свой круг общения и теперь для меня открылись два новых персонажа: Чистяков и Арарат. Арарат вообще мне показал, как нужно действовать, когда что-то не понимаешь. Конечно, он был не самым умным человеком в нашей группе, однако, постоянно любил просить помощи у группы, чтобы ему с чем-то помогли, что-то объяснили. Я же при первой же неудаче искал «руки», которые сделают за меня какую-либо работу. Свои работы по инженерной графике я всё так же отдавал Копосовой, хотя часто она мне просто не отвечала.

– А почему ты сам не делаешь? – Спросила меня однажды Наташа. Я чувствовал какой-то подвох в этом вопросе и одновременно не понимал, зачем задавать такие вопросы, если я плачу тебе за работу деньги.

– Этот месяц я ещё покупаю, а потом, честно, летом буду ездить в Тоншаево на курсы к одному мужику, который обучает инженерной графике, – говорил я ей. Конечно, потом я так никуда и не поехал.

В какое-то время с Копосовой даже стало как-то непри-

ятно общаться, прежде всего, из-за того, что она старалась избегать меня из-за просьб помочь мне с работами. Да и я тоже понимал, что пора какие-то работы самому выполнять. До этой мысли я дошёл при помощи нового препода по инженерной графике – Юматовой, которая заставила меня чертить самому.

Но всё же в начале семестра опять в голову мою забились истерика, которая терзала меня и кричала, чтобы я поскорей забирал свои документы из универа и уезжал себе домой. Причиной этому была как раз инженерка. Нам нужно было сделать около 15 чертежей за этот маленький семестр и сразу же в первый день нам выдали задания, чтобы бы не отставали от заданного графика. На парах мы должны были чертить эскизы, а дома уже перечерчивать на ватман. Эта инженерка отличалась от прошлого семестра – нам не нужно было больше перечерчивать какое-то задание, теперь мы были должны измерять всякие детальки разных форм и делать по ним эскизы. В помощь нам были выданы штангенциркули. Я совершенно не понял, как ими пользоваться, и плюс к этому теперь я сидел один за партой. Волнение внутри меня приобретало огромнейшие масштабы, разрушая напрочь всю мою психику и нервы. Всё было неправильно, абсолютно все размеры были приняты на глаз, однако, первое задание я всё-таки сделал и получил за него плюсики. Радоваться было нечему – каждая работа зависела от другой, и если я неправильно сделал эту, то, следовательно, другие также

будут неверны, а это значит надо всё переделывать, исправлять.

– Если у меня будет хоть что-то неправильно в чертежах, то я тут же пойду и заберу документы, – говорил я маме через свой телефон.

Был в моём семестре и совершенно непонятный мне предмет – начертательная геометрия. В ней я не понимал совершенно ничего. Самое главное, что на этой паре за пять минут наш препода мог вычертить такой огромный чертёж, что, если ты вначале где-то что-то не понял, то считай, урок для тебя окончен. Самому препода с лысиной на голове было лет так около 65, он был чрезвычайно добрым человеком. Один раз он поднял мою ручку и положил мне на стол, когда я случайно выронил её. Я был потрясён этим поступком и сказал – «спасибо». Только из-за препода этот предмет не выражал во мне никаких неприятных ощущений.

– Если ты будешь постоянно разговаривать, то вернёшься обратно в свой политех, – сделал замечание на одной из своих пар препода по начерталке моему однокласснику Соболеву. Именно тогда для меня Соболев стал Пашком из политеха – так я его называл в своей голове и представлял другим.

Пашок из политеха был очень ленивым, но, тем не менее, необычайно умным и толковым человеком. Он вроде и казался немного глуповатым, легкомысленным, но именно он отвечал на самые сложные вопросы на парах. На математике его очень ценил Петров, ведь именно Соболев постоянно

выходил к доске и говорил, как нужно выполнить решение какой-либо задачи. Он мог бесконечно отстаивать свои права, себя и своё видение, даже, если оно было ошибочным. Его споры с учителями всегда вызывали во мне интерес.

Был в этом семестре и совсем неординарный предмет – физкультура. Преподавателем её был, вроде, то ли олимпийский чемпион, то ли он чувствовал когда-то в таких играх, в общем, я уже не помню. И, конечно, это был закалённый мужик, который ничего и никого не боялся, и любил поиздеваться на своих подопечных, то бишь нас. Как назло я опоздал к нему на первую же пару, и тут же получил логичный втык за это. Мне пришлось долго извиняться перед ним, и только потом я встал в строй. Это был самый строгий преподаватель по физкультуре, который был. Нам пришлось наизусть выучивать его зарядку, а потом показывать ему её на виду у всего потока. Даже в этом предмете всё было довольно строго.

На квартире же дела шли неплохо, если не считать того факта, что в какой-то момент мы чуть не подрались с Мордвиным. Меня очень не устраивал тот факт, что Серёга постоянно владел пультом, переключал каналы, не давая этого сделать мне. Дословно он был королём пульта. Да даже не это была главным побуждением к драке, а то, что он просто стал меня накалять за то, что постоянно выключал свет в 22 часа и не давал мне выполнять все домашние задания вовремя. К счастью драки никакой не случилось, мы немного поогры-

зались друг на друга, но до дела так ничего и дошло.

– Я понимаю, что, когда долго живёшь вместе, то начинаешь беситься из-за всякой херни, – говорил я Лене Окуневе, своей однокласснице, сидя в электричке рядом с Мордвиным. – Тут возьми любого соседа и каждый бы бесил меня по-своему.

Ну а с бабкой было всё плохо и тут я или Мордвин не были причиной. Она всё реже появлялась дома, плохо себя чувствовала, и в итоге я узнал, что она больна раком. Мама обнадёживала её, говорила, что люди с такой болезнью живут долго, а я надеялся, что это случится не при мне. Теперь всё чаще и чаще стали приезжать родственники, среди которых был Лёша со своей женой и именно он был инициатором, чтобы повисить квартплату, которая выросла теперь в 6500. Понять его можно было, ну а нам ничего не оставалось, как выполнять новые требования.

Как ни странно этот семестр пролетал для меня довольно быстро. Весенний семестр радовал солнцем, свежим воздухом, и учиться было при этом довольно легко. Но всё это казалось иллюзией, так как я не выполнял всё, что от меня требовалось. Я делал лишь то, что понимал, при этом у меня всё больше и больше накапливая долги, которым «руки» нельзя было найти. Последний месяц разрушил эту иллюзию и выжал из меня все соки.

По инженерной графике я так же и продолжал чертить всё на глаз, радуясь за то, что выполнял все чертежи. Никто

не замечал, что размеры у меня были не похожи на правду, и я этим пользовался. Один раз нам попалась Павлова – самая строгая из преподавателей по инженерке. Один день она заменяла у нас Юматову. Павлова любила орать, ведь есть такие люди, которые любят пользоваться своим положением – вот она как раз была из тех. Она постоянно была чем-то недовольна, постоянно кричала на нас, нервничала.

– Что это такое?! – спросила меня Павлова, указывая на мой эскиз.

– Я не знаю, – ответил я, не поняв, на что именно она указывает.

– Вот и я не знаю! – прокричала она, и стала исправлять мои ошибки.

В этот день я подумал, что, если и Павлова не заметила самых ключевых ошибок, а именно размеров, то, может, и нечего переживать? И так я и чертил, занимаясь самым лёгким делом – подгоняя все размеры на глаз, пока все другие тщательно до миллиметра вычисляли грани штангенциркулем. Всё-таки один чертёж мне пришлось заказать, самый большой в этом семестре. Не умел я на ватмане ещё чертить. Конечно, к Копосовой я теперь не обращался. Теперь я нашёл другие «руки» – девушку – архитектора с ННГАСУ, которая быстро состряпала мне формат А-3. Когда все мои чертежи были готовы, я сдал их не без волнения, конечно, и получил «хорошо».

Жаль, что не по всем предметам так можно было счит-

ритель. Если в прошлом семестре для меня инженерка казалась саамам сложным предметом, то теперь её место заняла физика – предмет по которому у меня не было сдано ни одной лабы. Уже был май, через месяц начинаются зачёты, а у меня так до сих пор они и висели в количестве четырёх штук. Колпаков швырял всё в наших знаниях и совершенно у всех были проблемы с ним. Это было настолько несуразно и глупо садиться перед ним и уходить совершенно ни с чем. Сдать мне ему было просто нереально, даже, если я и отвечал на все его вопросы чисто случайно, с подсказками, то потом мне предстояло сделать задачу прямо при нём и, само собой, на этом этапе я сдавался. Кому то крайне повезло и несколько моих одноклассников защитили 2 лабы просто, потому что помогли ему перенести нескорые вещи из одной аудитории в другую. Больше никогда он не просил ему помочь, я опоздал.

Начались серьёзные проблемы, времени оставалось мало. Я сиделся раз за разом к нему, но всё было тщетно. Тогда я решил ходить к нему на защиту и в другие дни, с другими группами. В первый день как нестати в Нижний приезжала мама, а я должен был передать некоторые свои вещи. Я уже смирился с мыслью о том, что не успею на защиту, как тут же передумал и выбросил эту мысль в автобус, успев перед этим передать вещи маме и уехать обратно в универ, хотя лень так ныла во мне.

Около Колпакова была небольшая очередь. Я сел рядом

с ним и попросил, чтобы он принял у меня лабу. Он попросил подождать, а потом задал несколько вопросов и на удивление вышел из кабинета. В этот же миг посыпались подсказки от рядом со мной сидящих людей, и когда он вернулся я был уже во всеоружии. На вопросы мне удалось кое-как ответить, но потом Колпаков перевернул мою титульничку от лабы и нарисовал там задачку. Я побыл какое-то время в ступоре, пока не увидел у другого человека решение к ней и с дрожащими руками всё переписал к себе.

– А ты, какой раз ко мне подходишь? – спросил Колпаков, когда ставил мне оценку в журнал.

– Седьмой, – ответил я.

Он очень удивился этому и усмехнулся. Я понимал насколько плохо моё положение, раз только сейчас я смог сдать первую лабу. Оставалось 2 недели до начала зачётов, когда я смогу ещё сдать ему все остальные? Задаваться этим вопросом постоянно мне поднадоело, так же как и переживать об учёбе. Я осознал, что нужно подходить к нему в любой момент, даже, если я ничего не знаю, потому что так у меня ничего и не выйдет. И сразу же после первой сданной лабы, я подошёл к нему и через минуту пошёл обратно, так как не смог ответить на первый же вопрос. Зато я запомнил этот вопрос, и у меня сформировалась своя собственная стратегия, как добить его и вывезти все эти лабы: просто сидеть около него и слушать, какие он задаёт вопросы, а потом смотреть какие даёт задачи, при этом запоминать ответы

и пробовать потом отвечать и самому.

Опять полетели деньги – я через учителей в школе покупал решения к задачам по физике, которые фотографировал на лабах и одновременно повторял все вопросы, которые сумел записать на его защитах. Я подходил к нему почти каждый день, однако, одна оценка по лабам так и оставалась одинокой ото всех. Хорошо, когда у тебя есть голова, ты понимаешь физику или другие похожие предметы, но я был далёк от технического образования. Всегда считал себя гуманитарием, да и в школе учителя вдолбили мне это в голову. Нить об отчислении мне уже надоело, я не сдавался и постоянно то и дело повторял задачи и ответы к вопросам Колпакова.

Наступила последняя неделя мая. Мы с Араратом объединились, и стали активно помогать друг другу. Он делал правильно, что просил помощи у других людей, тогда как я старался разгрести всё самостоятельно. Деньги особо уже не помогали, но я был готов дать хоть и пять тысяч, лишь бы кто-то другой за меня сдал все эти чёртовые лабы. Колпаку бесполезно давать деньги – были слухи о том, что ему предлагали и квартиру, и машину, но всегда он отказывался. Были так же и слухи, что у него погибла вся семья в автодорожной аварии, и после этого случая он стал таким, каким я его видел. Может быть.

– Так что там сложного, я почти все лабы уже сдала, – говорила мне Оля, когда я случайно встретил её с Наташей и рассказывал им про свои проблемы.

– А кто у тебя препод? – спрашивал я.

– Коган, – к нему подходишь и сразу же защищаешься, – объясняла мне она. – Ничего сложного.

– Оль, ну Колпакову намного труднее сдать. Не сравнивай их, – парировала Наташа.

В последнюю неделю очереди сильно возросли. Если раньше около него было по 2—3 человека, то теперь их было все 30. Всегда приходилось приходить пораньше, занимать очередь. Очень легко можно было и просто не успеть дожидаться, когда до тебя дойдёт цепочка, потому что у Колпакова было всё строго по времени. Если пара заканчивалась, то он сразу выходил из кабинета и больше не возвращался. Один раз он стал даже специально прятаться от нас, когда всей толпой мы ожидали его около двери в аудиторию с горой макулатуры.

– Ребят, а я сегодня успею сдать ему все лабы? – спрашивал Вилков, который пришёл на физику в первый раз. Мы только посмеялись над ним и ответили, что точно нет. Вилков был нашим одноклассником, который редко появлялся на каких-либо парах, и вообще это было чудом, что он оставался быть в нашей группе. Он уже и на комиссиях успел побывать, но всё равно оставался в живых. Однако этот семестр стал для него последним – он перешёл на заочное отделение.

Благодаря помощи Арарата, я смог сдать вторую лабу, а затем на следующий день и третью. Оставалось защитить только последнюю, но вся её сложность заключалась в том,

что эту лабу вообще никто не делал и не сдавал. Мне не повезло в этом плане: я не мог подслушать, что он по ней спрашивал, и помощи просить было не у кого. Осложнилось всё тем, что оставался последний день защиты, в этот же день был зачёт по самой физике. Если ты сейчас не защищаешь, то не допускаешься к экзаменам. Волнение было громадным, люди не могли занимать очереди из-за маленького кабинета. Все студенты нервничали, ждать своей очереди к Колпаку стало невыносимо. У всех была всего лишь одна попытка, чтобы Колпаков мог успеть поговорить со всеми.

Момент истины, я подошёл к нему со своей последней лабой, и на удивление он не стал меня мучить теоретическими вопросами, а всего лишь дал задачку. Наверное, он не знал, что и спросить, потому что я был с этой лабой у него первый, да и времени оставалось не так уже много. Рядом с ним все места были заняты, и мне пришлось сесть в другом месте, зато я был не под его пристальным взглядом. В это мгновение наша группа сдавала зачёт. Пашок из политеха помогал абсолютно всем, кто к нему обращался с задачами. Решил обратиться и я, но он сказал всего лишь: – «Блин, извини, я такие не умею делать».

Выхода никакого не было. Я не знал что делать. Почему то в этот миг я вспомнил о группе в «Вконтакте», в которой готовились к ЕГЭ. Однажды с помощью этой группой я смог списать ЕГЭ. Я быстро зашёл в интернет, посмотрел последний пост, связанный с физикой в этой группе и отправил фо-

то своей задачи. На моё удивление мне ответили три человека и все с разными решениями. Один раз я рискнул подойти к Колпакову и тот сказал, что у меня есть ошибка, тогда я стал перебирать варианты, которые мне скинули школьники. И вот минута истины, я подходил в последний раз, на зачёте уже оставался всего лишь один человек, потом только передача.

– Ну, похоже на правду, – сказал Колпаков и поставил мне оценку.

– Сегодня нажрусь, как собака, – сказал я своим одноклассникам, которые только ждали своей очереди.

Я вышел из кабинета и тут же позвонил маме, чтобы обрадовать и её. У меня неожиданно навернулись слёзы, словно я говорил ей, будто бы выиграл миллион рублей.

– Я сдал все лабы, – тихо проговорил я, а потом положил трубку.

Конечно, я не нажрался и особо этому не радовался. Мне ещё предстояло сдать физкультуру – вроде, тот предмет, за который не стоит переживать, но вымотал меня ничуть не хуже. Хороший предмет начертательная геометрия – купил все чертежи за четыре тысячи и сдал их потом, да ещё и автомат получил на 4. По физкультуре же надо было сдать выученную по порядку разминку и пару упражнений, которые не купишь. Я думал прикупить какие-нибудь напитки, типа как «Адреналин», но мне не продали из-за отсутствия паспорта. «Неужели я выгляжу младше 18?» – думал я.

Разминку я показывал в числе первых из нашей группы и сильно при этом опозорился. Некоторые упражнения у меня не получались, я постоянно сбивался, кривлялся из-за постоянных придирок от неадекватного физрука – со стороны это выглядело только смешно, мне же было стыдно. Однако никто на моё удивление не смеялся. Это меня поразило – будь бы я у себя в школе, как обязательно был бы поднят на смех, а тут даже никто не улыбался. Все-таки, какое большое различие между городскими и сельскими ребятами.

Так я разминку и не сдал, да и никто её не сдал. Самое главное, как оказалось – это нормативы, которые мы приходили сдавать во внеучебное время. Это очень выматывало всех, потому что нам приходилось сидеть по 6—8 часов на его парах, чтобы дождаться своей очереди. Иногда мы просто не успевали, так как он часто любил сольно повыступать перед публикой и время из-за этого выходило. Тут ещё и химия постоянно тыкала меня в спину и напоминала мне о несданных задачках. Я ничего не успевал. На третий день таких хождений на физ-ру, вечером, уже в 17 часов я всё-таки дождался своей очереди и сдал ему все нормативы до одного, преодолев свои возможности. Время – лучший мотиватор. В этот же день мне предстояло еще сделать задачи по химии, чтобы допустить до экзамена по нему. Ситуация не новая. Пока я ехал на автобусе домой, то в интернете уже всюду искал «руки», которые сделают это за меня. Тогда у меня не было времени даже поужинать, да и обед я то-

же пропустил. Как только мне сделали химию в 23 часа, то я сразу же переписал все решения к задачам под натиском ночи и сна с помощью синей маленькой лампы и кружкой с кофе. Зато теперь я избавился от долгов. Осталась очередь за экзаменами.

Я перестал верить в свои силы. Когда мне предстояло сдать первый экзамен – я тут же арендовал микронаушник, найдя его в интернете. По моему звонку на Московский вокзал приехал арендатор, который отлично прорекламовал его, показал, как им пользоваться, и я взял его на один день, отдав 500 рублей.

Первый экзамен – химия. Я ничего не учил, даже не вникал, а надеялся только на этот наушник. Экзамен проходил прямо у него в кабинете, куда вмещалось всего пять человек. В день экзамена я заранее занял очередь и стал быстро проверять свой наушник. Самое главное, что мне нужно было – это как-то суметь доложить своему суфлёру, кем являлся Арарат, свой номер билета, который выдаст мне препод.

– То есть я правильно понял, что мне нужно ответить на этот первый билет? – спрашивал я так Яблокова, чтобы меня понял Арарат.

– Да, всё верно, – отвечал мне препод.

– Не понял, ещё раз скажи, какой билет? – спрашивал через телефон меня Арарат.

– Ага, ну то есть я должен написать его на этом чистом листе этот первый билет, да? – снова с идиотским лицом я

спрашивал Яблокова. На этот Арарат всё понял и начал мне диктовать.

Неожиданно, продиктовав мне ответ на первый вопрос в билете, он остановился. Мне предстояло ответить ещё на второй, но я подумал, что хватит мне и 2,5. Чтобы спрятать свой микронаушник и провода, перед тем как отвечать, я решил разыграть некоторую сценку. Закашляв, я резко выбежал из кабинета, быстро снял с себя все провода, положил в сумку, продолжая при этом всё так же артистично кашлять, и только потом снова вошёл в кабинет, извинившись за то, что у меня был сильный кашель. Но всё это, увы, не прокаатило, мой ответ в билете был не до конца правильным, и я был отправлен на пересдачу. Как же по-идиотски это выглядело со стороны, когда я выбежал за дверь и стал громко кашлять – ведь мои одноклассники не знали моего сценария, да никто не знал. Этот наушник всё-таки помог в этот день, но не мне. Мой одноклассник Глеб Партыка, попросил, чтобы я продиктовал ему ответы. У него всё вышло довольно просто, и после десяти минут он выбежал счастливым – 3,5. Почему же мне так не повезло?

Следующим экзаменом, который мне предстояло сдать, был термех. Перед этим экзаменом в беседе нашей группы разразилась небольшая война между Максом и другими членами группы. Макс нашёл ответы к билетам и требовал деньги, если кто-то их хотел получить. В итоге ответы совсем бесплатно всем нам скинула Оля Копосова. Всего было про-

решено 23 билета из 28. Я опять решил ничего не учить, надеясь, что в этот раз мне должно повезти. Риск получения нерешённого билета был очень мал. И вот сам экзамен, я достаю билет – предпоследний, он был не прорешан. В итоге опять не сдал и был удостоен уже второй пересдачи.

Перед следующим экзаменом я решил, что без микронаушника мне не обойтись и снова арендовал его за 500 рублей. Загвоздка была только в том, что теперь экзамен сдавали все и просить диктовать, мне было некого из одногруппников. На ум пришёл папа. Я скинул ему все билеты и попросил, чтобы он сам находил к ним ответы, а потом диктовал мне в наушник. Всё что нужно было от меня – это сказать папе номер выпавшего мне билета. Микронаушник на этот раз был больше, чем в прошлый и из него так же тянулась длинная антенка из уха. Жаль, что этим летом я подстригся.

– Пятый, – говорю я папе через телефон, пока Петров с кем-то разговаривает.

– Что? – не понимает мой отец.

– Пятый говорю, п-я-т-ы-й, – отвечаю ему я.

– Не понял, девятый? – спрашивает он.

Пришлось отправлять ему смс. Через несколько минут он начал мне диктовать. Пока проходил Петров мимо меня, мне приходилось закрывать своё ухо, чтобы он не видел торчащую антенку. Как же всё это было опять-таки глупо. Я ответил только на теоретические вопросы, так как практические

папа не смог найти для меня в интернете. Опять я стал думать об оценке 2,5, но так и не получил её. Теория была правильной, а толку то? Решённых примеров не было, и я получил хет-трик в виде трёх пересдач.

Оставалась лишь одна философия. Это был последний экзамен и если я его не сдаю, то меня должны были отчислить, если доверять слухам, которые возникали тогда вокруг. Конечно, это было не правдой, но я всё равно верил в них. На этот раз в наушник мне диктовал друг Димы. Я всё старательно переписывал на листок, но через полчаса, как это бывает – связь прервалась. Я постарался вытащить телефон, чтобы набрать последний номер, но сразу же меня заметила учительница и отобрала у меня смартфон, выдав при этом другой билет. В этот момент я попробовал отвечать сам, не надеясь ни на кого и ни на что. Как надоело уже засовывать этот микронаушник себе в ухо, потому что после этого ты чувствуешь себя как будто глухонемым, когда отвечаешь на экзамене – очень неприятное ощущение. Как надоело надеяться на то, что тебе поможет какой-то человек на другом конце провода. Всё, теперь я стал отвечать сам и стал писать всё, что помнил.

– Странно, почему ты не сдал химию? – спрашивала меня учительница по философии.

– Не знаю, не повезло, – отвечал я. Преподавательница попросила мою зачётку, я отдал ей, она поставила оценку туда и отдала мне её обратно. Открыв её, я увидел первый

сданный экзамен с оценкой 4,5! С этого момента я отказался от каких-либо микронаушников и шпор. Просто надоело совать себе этот микронаушник в ухо и с пустой головой идти на экзамен, надоело искать момент для списывания, роюсь в шпорах. Впредь с микронаушником и со шпорами всё было закончено. Вообще надоело надеяться на списывание, я должен пытаться сдавать сам.

Пересдачи:

- Термех – сдан;
- Математика – сдана;
- Химия – сдана.

Был дождливый июньский вечер. Весь промокший и уставший после последнего экзамена я шёл с остановки к себе на квартиру. Мордвин уже давно уехал к себе в деревню, и я всё это время ему завидовал, пока пересдавал экзамены. Но самое главное – я был счастлив. Я сдал все экзамены, сам, без какой-либо помощи. Наконец-то вся эта суматоха для меня кончилась, наконец-то можно было поехать домой и отдохнуть. Наконец-то.

VIII Война

– Ладно, мне пора собираться, – сказала Людмила Павловна, медленно вставая со своего места. Мы с одноклассниками ещё немного пофотографировались около школы вместе, а потом пошли домой, как раньше – когда учились в школе. Всё-таки круто было учиться в школе без всяких забот, без всяких нервов о том, что тебя отчислят. Просто делаешь домашние задания и всё, больше от тебя ничего не требуется.

«Ну и зачем я это всё сказал? – размышлял я про себя. Мне даже стало как-то неудобно, когда после моего разговора наша классная оборвала воцарившую там тишину и сказала, что ей пора идти. – Я столько ненужного сегодня наговорил в школе, что мне даже стало немного стыдно за себя – думал я». До этого дня мне специально пришлось спрашивать своих бывших одноклассников о том, хотят ли они пойти на встречу с учителями в школу. Народа пришло немного, как это часто бывает, каждый со своими новостями и прошедшими событиями, которые они так страстно хотели обсудить. Я долго пытался вставить и своё слово, постоянно слушая их, когда в конце все были удовлетворены своими рассказами, я зачем то рассказал всем о том, как мой препод по геологии в мае проводил тестирование и определил, что я невероятно творческий и хороший человек... На самом деле тестирование это было немного детским в плане того, что

этот препод смотрел на чей-то подчерк, а потом давал диагноз.

– Какой у тебя интересный подчерк, – говорил он мне на экзамене. – Ну, это, конечно, для книжки. Могу сказать тебе много хорошего и немного плохого, но не буду.

Всегда мне чего-то не хватало, постоянно я старался выделяться не тем, чем нужно. Когда я узнал о расписании на 2 курс, то я зачем, то написал в «Одноклассники» одно незамысловатое предложение: «Сопромат, термех, математика, геодезия – мама, забери меня отсюда». Ну, зачем?! Конечно, я хотел выделиться, мол, посмотрите какие у меня сложные предметы, но почему то не каждый пишет об этом в свои соцсети. Всё-таки мне ещё предстояло отвыкнуть от этого детского лицемерия.

Тем летом я не отработывал летнюю практику, потому что бережно соскочил с неё, когда узнал, что так можно сделать. Я нашёл знакомую рядом с Пижмой фирму, в которой мне подписали бумажки о том, как я старательно целый месяц проходил практику, а потом я просто ничего не делал и отдыхал всё лето. Впрочем, ничего в этом плохого и нет, потому что, если бы я проходил её в реальности, то работал бы по принципу «принеси-подай». Одногоруппники отработывали практику в 1 общежитии, тщательно промывая это здание внутри до самых дыр и основательно убираясь в ней. Ну и кто-то, конечно, зарабатывал деньги, трудясь в строительных фирмах. Я, почему то ещё этой темы боялся касать-

ся, так как не представлял, какой из меня выйдет каменщик, если бы я в реальности проходил данную практику.

Своих одноклассников, убирающихся в 1 общежитии, я заметил летом, когда ездил сдавать данную летнюю практику и получать зачёт. Тогда мы ездили вместе с мамой, так как ей тоже нужно было сделать кое-какие дела в Нижнем Новгороде. Я показал ей то место где учусь, сфотографировался около первого корпуса, а потом пошёл в 10 корпус, чтобы сдать зачёт, пока она меня ожидала на лавочке возле него. Там же я и сдал свои основы строительного дела, которые пропустил ещё в 1 семестре из-за информатики. Вообще очень странно, что за это мне ничего не сделали. Ну, на самом деле ОСД можно было сдать и во втором семестре, но никаких новостей о зачёте по основам строительства тогда я так и не увидел, поэтому и не думал идти на пересдачу.

Я зашёл в кабинет, где уже были мои одноклассники и получали оценки за практику. Там была как раз и наша лекторша по ОСД, которой я честно сказал, что пропустил зачёт зимой, и спрашивал, в какое время я могу его пересдать. Меня напрягал тот факт, что за неявку на данный предмет мне целый семестр ничего не предъявляли. Она сказала, что ничего страшного в этом нет, и поставила мне 4. Очень жаль, что этот предмет закончился на первом курсе.

И вот завершилось лето. Теперь мне предстояло постигать 2 курс, который обещал быть сложным, но я уже не удивлялся этому. Наоборот, я очень обрадовался тому, что в этом

семестре не было инженерной графики – самого нелюбимого предмета, вместо неё теперь была компьютерная графика. Зато теперь были: сопромат, физика с ещё большим количеством лаб, термех и математика – самые страшные для меня учебные дисциплины. Но как позже оказалось, новые преподаватели нам попались хорошие по сравнению с другими группами. Мне очень понравилась учительница по сопромату, которая на первой паре объясняла нам, что в этом сопромате нет ничего сложно него, и всем нам ничего не стоит в нём бояться. Нравятся мне преподы, которые не пытаются нагонять на нас страх, не грозятся пересдачами. Ты чувствуешь себя в своей тарелке, когда все пары протекают не в напряжённой атмосфере.

– Сопромат – самый лёгкий предмет, потому что в нём всё логично, – говорила нам преподавательница.

В начале осеннего семестра мне пришёл серый свитер с наклейкой на груди «ННГАСУ», который я летом долго искал в интернете. Всё-таки нужно мне было выпендриться перед окружающими, что у меня такой крутой свитер. Я был горд им до того момента, как достал его из пакета, в который аккуратно был завёрнут мой свитер интернет-продавцом. Мой новенький свитер оказался чрезвычайно велик и вообще мне не подходил. Мне пришлось отдавать его в ателье, которое было рядом с 1 корпусом и заплатить 1800 рублей, когда изначально он стоил 1200. Вообще платить, как обычно, мне приходилось много. Уже не было тех знакомых,

которые мне могли бы помочь с учёбой, и мне приходилось искать новые «руки».

И вот именно в этом семестре я потратил самое большое количество денег. Дело даже не в моих деньгах, а в тех, которые мне давали одноклассники. После того как я нашёл Яну, которая была готова сделать совершенно любое задание за короткие сроки, я стал заказывать абсолютно всё и не морочить свою голову по поводу РГРок и лаб. Она была с СУЗа (самого лучшего факультета в университете) с невероятно высокими баллами по ЕГЭ и оценками по семестру. Она была просто умной в отличие от меня и делала все работы, как за себя, так и за меня. Когда я прорекламентировал её своим одноклассникам, то именно через себя я отдавал ей деньги. За весь семестр я отдал ей около 18000 рублей, в которых были деньги почти со всей группы.

– Игорь, напишешь ей? – улыбаясь, спрашивал меня Пашок, узнав, что на следующей неделе нам выдадут новую РГРку по термеху.

Все в группе знали к кому обращаться, если нужно помочь с учёбой. И брав с собой кучу денег, я шёл к ней, чувствуя себя каким-то её сообщником. Только сам я с этого дела ни сколько не заработал. Зато я так мечтал приблизиться к ней в плане мозгов. Так хотелось быть вот просто умным, выполнять самому все эти РГРки, лабы, задачи, но не я умел, постоянно сбрасывая себя со счетов. Мне было стыдно отдавать ей свои задания просто из-за того, что я считал себя

тупым человеком и также считал, что таковым меня считает и Яна. Я не знал этого человека, я не был знаком с ним, но мне было всегда неприятно думать о том, что меня считают глупым.

В этом семестре я в первый раз позвонил маме и сказал, что теперь общаюсь абсолютно с каждым своим одноклассником. Да, дела пошли на лад. Наконец-то я перестал ныть об учёбе, обязательно сообщав об этом каждому своему знакомому в интернете. В этом семестре я нашёл себе новых крутых друзей, таких как Глеб, Пашок и Макс.

Глеб и Пашок находились постоянно рядом друг с другом. Они были вблизи с самого детства, пройдя через детский сад и школу. Глеб с Пашком сильно выделялись из всей группы именно тем, что Глеб был рэпером, а Пашок просто человеком, который любил посмеяться и пошутить. Я ещё не знал какой из Глеба рэпер и не воспринимал его серьёзно до того момента, как он не показал мне свой первый и одновременно новый клип и спросил моё мнение. Я был удивлён его творчеству и с этого момента мечтал находиться с ним в постоянном контакте. Всегда хочется влиться в тусовку с кем-то поближе, когда этот кто-то по статусу выглядит лучше тебя. И этот момент мне представился тогда, когда у нас было первое распределение по подгруппам на физике. На этот раз надо было сдать целых 7 лаб, но зато теперь у нас не было Колпакова. Нам попался Краснов, который на первой паре попросил, чтобы каждый записал себя на листочек, в котором

мы должны были распределиться ещё по 3 человека. В этой группе не было Никиты, не было Монахова, Арарата или Мешалкина – те, с кем я общаюсь больше всего. Но неожиданно под своё крыло меня взяли Пашок с Глебом. На первой же лабе я делал всё сам, как и почти на всех других, зато было круто находиться рядом с ними, слушать их. Можно сказать, я начал расти из своей зацикленности на себе и перестал бояться общаться с каждым из своих одноклассников и вообще с людьми. Есть такие люди, которые думают, что тот или иной человек круче его, лучше. Я считал также до того момента, как не стал быть рядом с Пашком и Глебом просто постоянно. Пообщавшись с ними, я расширил свой круг общения и перестал себя считать каким-то сельским парнем, который боялся всего и каждого. Наверное, я стал городским. Общение разрушило мои стереотипы по поводу самого же меня, и я не побоялся открыть глаза и перевоплотиться.

В этом семестре я уже полностью встал на ноги, поняв схему всей учёбы. За весь семестр сложные задания я сразу же скидывал Яне, с другими пробовал разбираться сам. На плохие оценки я перестал обращать внимания, на ненужные предметы тоже, у меня стало больше свободного времени. Однако веселье моё немного подпортилось тогда, когда узнал, что Мордвина забирают в армию. Хотя на самом деле сначала я этому событию обрадовался, рассуждая, как наконец-то я буду делать всё, что захочу в комнате: выключать свет, смотреть телевизор и просто стану единоличным хозя-

ином комнаты. Даже бабушка была готова с меня брать столько же денег, как и раньше до того момента, как не вернётся Мордвин. Но этот смутный мираж ликования рассеялся, когда я понял, как на самом деле плохо быть одному. В комнате теперь всегда стояла тишина, мне некого было ждать. Пустота, я не до конца мог привыкнуть к этому, было непривычно. Одна бабушка скрашивала мою скуку лишь просто своим присутствием. Непривычно жить в полной тишине и безмолвии, всегда должен быть какой-то человек, который хоть и одно слово в день да говорил.

Дни теперь пошли немного медленней, на смену осени приближалась зима. Наступал конец семестра. Лабы по физике теперь сдавать было несложно, по сравнению с предыдущим семестром, как только нашёл свой подход к препода. Я первым сдал все лабы и перестал ходить на физику – вот так учатся троечники. Когда я заболел, то впервые стал пропускать пары. Сначала я пропускал их по болезни, а позже попросту, потому что на них почти никто не ходил. На лекциях по физике мне невероятно было скучно сидеть, потому что препода говорил не совсем внятно, да и то, что он чертил на доске – я не совсем понимал. Я только то и делал, как наблюдал за таявшим солнцем на горизонте, которое излучало своим красным закатом, словно прощаясь с нами, и предупреждала о том, чтобы мы шли в конец аудитории и включали искусственный свет жёлтых ламп.

В конце семестра я, Никита, Монахов, Мешалкин и Па-

шок с Глебом сделали классную презентацию про ННГА-СУ в результате, которой нам было обещано выступление на юбилее университета. Вообще наша презентация очень понравилась преподу, возможно даже лучше всех. Тогда я опять же похвастался своим знакомым этим событием, но в итоге я так нигде и не выступил. После нескольких пятёрок по зачетам, в которые входила и история нижегородского края, я попал в омут неудач по термеху. История не новая, но особая.

Я понимал, что весь семестр я ничего не делал по термеху и предостерегал то, что на зачёте по этому предмету меня ждут сложности. По сути, я готовился только к этому зачёту. Что-то было понятно и ладно – с этим настроем я и пошёл на зачёт.

Первая попытка не получилась, ничего страшного. Я понял свои ошибки и в следующий раз рассчитывал без проблем пересдать этот зачёт. Обычно я никогда не уходил за тот горизонт, где была одна пересдача. Но на следующий раз наш преподаватель Никитина решила поменять вопросы, чтобы мы случаем не наделали ответов к ним, и сказала, что выдаст нам задачи из книг. Всегда сложно готовиться к чему-то другому, если особенно это что-то немного сложнее, чем было в прошлый раз. Весь промежуток между несдачей и пересдачей я прогонял задачи из учебника, который нашёл в интернете. Я стал немного разбираться в термехе больше, чем в прошлый раз, но были некоторые задачи, которые мне

до сих пор совершенно мне не давались. Их было немного, но они были. И конечно, когда наступила пересдача – мне попались такие задачи, как самому везучему человеку в универе. Я пытался их осилить и, вроде, всё правильно сделал, но в термехе всегда существовало два способа решения задачи: неправильный и правильный. Я, конечно, сделал неправильно.

– Не знаю, что с тобой делать, – сказала мне Никитина. Я тоже не знал и просто вышел из аудитории. Как оказалось потом мне поставили неявку, видимо меня хотели ещё испытать какими-то вопросами, а я слинял.

Студенты, студенты, вокруг одни разочарованные и уставшие лица, которые тоже ждут своей очереди или уже отпустившие свои грехи в этой аудитории. Я не стал ничего рассказывать этим лицам и пошёл к выходу из универа. В первый раз я остался с несданным зачётом, который переносился на январь и я теперь не допускался к экзаменам.

Я ехал в автобусе и был просто в ступоре, я не знал, что теперь будет и что мне надо делать. «Когда не знаешь, что делать – спи» – фраза для рецепта как стать успешным, которую я прочёл в интернете. Также сделал и я. Не раздевшись, не включив свет в своей комнате, я просто лёг на диван и укрылся сверху одеялом. Через мгновение я уснул. Так я проспал около трёх часов, после которых узнал, что к бабке пришли гости. Я всегда был против гостей, потому что они постоянно занимали кухню, и доводилось ждать их, пока они

оттуда выйдут. Пришлось голодать, а что делать? Что делать вообще теперь?

– Я не буду праздновать Новый год, не буду покупать фейерверк даже, – говорил я маме через свой телефон. Я был сильно раздосадован и совершенно не знал, что делать в такой ситуации. Всё, опять спать.

Когда я приехал в Пижму, то, не теряя время, на следующий же день пошёл в больницу для приёма к офтальмологу из-за того что меня мучил дерганый правый глаз. Наверное, из-за переживаний этот глаз болел и постоянно не давал мне уснуть. Пока я ждал врача – я видел, как в беседе «vk» счастливые одноклассники переписывались между собой о том, как все сдают физику, на которую я был не допущен, на очень приличные оценки. Лапину всегда было сложно сдать, а тут он решил сделать всем подарок в виде такой вот халявы. Я расстроился ещё сильнее.

– У тебя сильное давление, – сказала мне врач. – Тебе вообще категорически нельзя сидеть за компьютером.

Я послушал её и не предпринял никаких к этому действий, кроме как капания витаминов в глаза. Как я могу обходиться без компьютера, если там находятся все эти книги, все решения, которые мне нужны для учёбы. Лучше скажите, как мне сдать этот ненужный термех... Есть такой врач, который мне посоветует?

И наступил Новый год. Я всё равно устроил фейерверк, всё равно я отпраздновал этот праздник. Перед передачей

мучает только ожидание, а не его процесс. Всегда надоедает задаваться вопросами: сдашь или нет. Время съедает слабых. И такое наказание длилось для меня всё время, пока не наступила пересдача. Я постоянно что-то прорешивал, постоянно сидел дома: утром, днём и вечером, чтобы отлично подготовиться к этой пересдаче. Спасибо за праздники, Никитина.

Великолепные праздники пролетели мгновенно. Наступил тот день, когда мне стоило уезжать в Нижний Новгород. Я ехал в этой холодной и тесной электричке, постоянно повторяя этот злобный термех, потому что опять Никитина поменяла все задания, и мне приходилось готовиться теперь к другим – к прорешиванию РГРок, которые я заказывал весь семестр. Могу сказать, как мог сказать ещё и в прошлом семестре, что благодаря этим пересдачам я знал термех намного лучше, чем отличники. Эти отличники не получают пересдач, не готовятся к тому, к чему готовлюсь я, поэтому они просто не понимают тех задач, которые мне достаются. И это прозрачная и понятная правда. Почему это должны знать такие как я – троечники, если уж на то пошло?

Я приехал опять в этот город, все вышли из поезда. Загремел волшебный хруст сугробов, по которым мы шли. Люди несли подарки, разговаривали друг с другом. Морозный запах, разноцветные огоньки, вечер и этот долгий хруст снега. Все были весёлые, улыбались – праздник всё-таки. Но не для всех.

Вот она злополучная пересдача, вот все эти несчастные люди, которые 11 января приехали на пересдачу, когда все другие могут отдыхать ещё 5 дней до следующего экзамена. Пришла моя очередь заходить в кабинет, я сел на первую парту. Вот, Никитина, смотри и довольствуйся, как я сижу возле тебя и ни откуда не списываю, пока другие уже приготовили свои телефоны. Опять мне досталась эта грёбанная задача, которую я не понимаю, как делать. Проходит время, я пытаюсь что-то начеркать на своём листке и потом отдаю его Никитиной, которая говорит, что у меня есть ошибка. Конечно, переживания нахлынули на меня ещё сильнее, а также злость на себя, на Никитину, на весь этот термех. Но всё-таки в термехе есть только два способа решения: правильный и не правильный. Я нашёл ошибку, переделал быстро задачу и получил 2.5. 2,5 – вот та оценка, за которую боролся я все это долгое время, чтобы сдать какой-то сраный зачёт, пока кто-то другой благодаря своей хитрожопости сидит дома и до сих пор отмечает праздники. Спасибо, Никитина, спасибо термех, спасибо и мне самому за то, что я такой невезучий. Ведь даже потом на свой день рождения я получил 3,2. Тройка – воистину моя любимая оценка, к которой нет взаимности.

IX Сюжет для новой песни

Зимний семестр всегда украшается своим временем года. Этот характерный пронизывающий морозный запах всегда говорит о том, что начинается или уже идёт сессия. Мне всегда нравилось время экзаменов тем, что именно в этом время можно отдохнуть, как это не странно. Ты можешь лежать дома на своём диване и медленно прочитывать свои лекции безо всяких напрягов. Не надо ходить ни на какие лекции каждый день, готовиться к семинарам. Да, бывают экзамены, бывают пересдачи, но ничто не сравнится именно с твоим пребыванием дома. Когда приезжаешь домой – настроение меняется, ты чувствуешь себя более спокойно и погружаешься в этот безмятежный и тихий родной посёлок городского типа.

Зимний семестр оставляет свои приятные воспоминания ещё тем, что в это время у меня осуществляется свой личный праздник, а именно день рождения. Как то особо я его не праздную, но кто будет против от похвальных поздравлений в свой адрес, пусть и иногда лестных? Как раз на периоде 2 курса мой день рождения точно совпал с экзаменом по геодезии. Я как обычно переживал насчёт сдачи в тот момент и решил в этот раз 16 января отключить свой телефон, чтобы после успешной сдачи обрадоваться хвалебным сообщениям в свой адрес. Хотя, никто и не обещал мне лёгкой

сдачи.

Экзамен же, конечно, не удался. Я совершал очень серьёзные ошибки по ходу, но у нас был хороший преподаватель, который мне всё-таки поставил 3,3. Арарат был рядом со мной, когда она ставила мне эту оценку в зачётку, и говорил ей, что у меня сегодня день рождения, но я сам согласился с этой оценкой и просил её не исправлять. Не люблю вымаливать преподавателей, чтобы они ставили мне оценку выше или ставили зачёт, я не такой человек. Не потому что не могу так сделать, а просто не люблю унижаться. Для меня это считается унижением, если ты по честному не можешь добиться того, чего хотел. Таким образом, я сдал также сопромат на 3,2, хотя был реальный шанс попросить вытянуть на 3,5, как ранее это сделал при мне Пашок.

Потом вся сессия для меня проходила плавно, пусть я и получал постоянно низкие оценки. Чего стоил тот факт, что я даже смог сдать математику с первого раза. Были у меня и шпоры для этого экзамена, но, когда я списывал в аудитории, то потом заметил, что в этих шпорах было много ошибок. Не могу признать в себе хорошего математика, но я также не знал, кто делал эти ответы к билетам, которые я нашёл в интернете. Я верил в себя, и это помогло мне выползти из гиблой ситуации. Правда была на моей стороне, и я пошёл сдаваться первым, но всё равно Петров нашёл ошибки и в моих решениях, а моя РГРка, которую я сдавал ещё в декабре, была вообще наполнена одними промахами, пусть

меня до этого и убеждал Пашок из политеха, чтобы я всё исправил перед этим экзаменом. В итоге я был удостоен дополнительных примеров, которые я чудом сделал и смог вывезти этот экзамен. Петров поставил мне 2,7.

– В этот раз выше, – сказал я ему, пока он ставил мне эту оценку в зачётку.

– Что выше? – ответил мне Петров. – Тройка же всё-таки.

– В прошлые разы были 2,5, а здесь уже 2,7 – прогресс, – возразил я ему. Он усмехнулся.

Несмотря на то, что я пропустил подарок от Лапина по физике в виде халявных оценок, я всё равно дополучил эту бесплатную раздачу. Тут вообще уже не было ничего сложного, и вполне без каких-либо лишних напряжений я получил снова ещё одну тройку в виде 3,4 баллов. Объясняется это тем, что перед этим экзаменом он сам кинул нам всем тесты, которые у нас будут, а мы их вечером старательно прорешали. И на этом сессия для меня так и закончилась, испугав меня только вначале января моим теперь особо нелюбимым предметом.

После экзаменов на этот раз оставалась почти целая неделя отдыха перед началом уже 4 семестра. Я решил не терять времени и встретиться с одноклассниками. Я давно хотел это сделать, но причин для создания какого-то повода я никак не замечал. Что можно делать в Пижме? Не знаю. Я позвал опять же всех в школу, где я с недовольным лицом сидел на уроке у Людмилы Павловны и слушал, как она про-

водит свой урок. «Всё-таки хорошо, что я учусь в универе, там всем наплевать на то, чем ты занимаешься. Хоть вообще в универ не ходи. А здесь в школе постоянные наезды за то, что ты просто не смотришь на доску или не пишешь. Также всегда бесило, когда учителя без какой-либо причины качали свои права, – размышлял я». После этого похода у меня пропало настроение ходить когда-либо в школу.

Но всё равно мне было скучно сидеть дома, и я снова решил собрать одноклассников. На этот раз вопрос стал простой, потому что я не знал, куда идти гулять кроме школ. Мест опять же в Пижме немного, чем все занимаются? Пьют. И я позвал всех в бар. На этот раз народу пришло много – это и понятно. Я просто хотел поговорить со своими одноклассниками, обсудить учёбу, но в баре этого было сделать нельзя, так как было шумно. Мы немножко посидели в баре, а потом пошли на дискотеку. Сначала мы пошли к лестнице, которая была сбоку от клуба, где, наконец, я думал, что мы нормально поговорим, но разговоры и сама тема для меня были невероятно скучными и противными. Пока мои одноклассники обсуждали парней, которые должны прийти на дискотеку, я стоял и думал о том, что и мне вложить в это скудное общение. Ну, потому что мне было совершенно наплевать на то, кто сейчас придёт, кто не придёт, ведь я не звал никого кроме своих друзей.

Потом, когда все собрались, все зашли в клуб, где разбежались по разным сторонам. Саня был со мной, с ним в от-

личие от других ещё было интересно что-то обсудить, пускай мы и были совершенно разными людьми по характеру. Когда я раздевался в гардеробе, то почувствовал, что у меня нет совершенно никакого настроения сейчас идти на танцпол. Я несколько раз попробовал затанцевать, но моё тело было против, как и я сам.

– Я пойду домой, не хочу, – сказал я Сане издалека и быстро пошёл одеваться.

Не знаю, всё было не то. Мне не хотелось танцевать, заводить вообще всех в бар. Грустно, что в нашем посёлке можно собраться только под таким предлогом. В следующий раз я также написал всем о сборе на следующие выходные, но перед тем как я стал одеваться, я решил, что не пойду. Мама тоже не очень хотела, чтобы я ходил на все эти гулянки, хотя и всегда говорила мне, чтобы я шёл. Меня взбесила эта неопределенность вокруг, и я остался дома, предварительно отключив телефон. Я понимал, что опять пройдёт такой же день, как и в прошлый, а ходить, как биоробот наполненный предрассудками я не хотел. Я разрубил канаты и теперь решил действовать сам, как хотел. А сам я ничего не хотел, мне надоело быть в Пижме, наблюдая за всем этим со стороны. Так уныло и закончились мои маленькие каникулы.

Нижний Новгород своей учёбой перекрыл мою непонятную депрессию, и я снова вжился в этот ритм, забыв про своих одноклассников и ситуацию в клубе. Снова покатались долги, снова пришла аттестационная неделя. Также опять я

заказывал термех у Яны, потому что так и не мог его осилить, а время всегда требовало его выполнения. Хорошо, что это был последний семестр термеха, а также математики. Опять посыпались деньги, кругооборот денег до Яны и снова всё то же самое. Однажды Никитина разгадала, что не я делал заданные мне РГРки, когда вызвала меня к доске, чтобы показать, как я решал. Я пробовал что-то решить, но, конечно же, не смог этого сделать и просто стоял у доски, минуя время. В этот момент мне, почему то вообще не было стыдно. Пропало куда-то это тупое чувство, что ты в чём-то виноват. Да, не я делал этот термех, но я просто не успевал его выполнять и сидеть по ночам не хотел. Преподу ведь намного легче в этом плане. Препод всегда готовится лишь к одному предмету и, конечно, для него все эти типичные задачки кажутся лёгкими, тогда как студенту нужно знать обязательно любой предмет, который ему зачем-то втюхивают. И когда каждый препода требует отличное знание от своей дисциплины, то это кажется смешным.

Я перехитрил эту дибильную учебную систему, отладив механизм, и теперь учёба показалась мне совсем несложной. Всё что не получалось я сразу скидывал своим «рукам» как можно раньше, чтобы потом не оказаться в числе должников. Сам я делал самые простые для себя задания и не переживал насчёт этих невыполнимых заданий, которые делались за деньги. Вообще тот, кто делает и сдаёт задания в первых рядах, всегда получает высокие оценки. Был в этом се-

местре как раз таки очень важный предмет, по которому надо было сдать РГРку в числе первых, чтобы потом летом освободиться от экзамена. Этот предмет назывался гидравликой. Конечно, ещё в начале семестра я узнал про эту многоходовочку и сразу же на первой неделе учёбы написал Яне, чтобы она готовилась делать мою РГР, как я ей напишу.

Сам препод по гидравлике выглядел довольно страшным педагогом для всей группы, так как не имел никаких для себя авторитетов и постоянно устанавливал свои правила на парах, которым мы послушно подчинялись. На его парах строго нельзя было говорить и опаздывать, даже на секунду. Кто опаздывал – должен был всю пару отвечать на дополнительные его вопросы. Он ходил с непонятным пропеллером, чтобы ему не было жарко, и постоянно настаивал на том, чтобы мы записывали все его лекции. Наши рукописи он потом проверял совершенно случайно, спрашивая каждого из нас по очереди посреди пары. Если ты не отвечал на его, как он говорил вопросы, то достаивался ранга консультанта и в добавку к этому награждался задачками, которые никто в группе не мог сделать. Консультант постоянно должен был отвечать на сложные вопросы, которые поднимались во время пары самим преподавом, и в итоге уйти с пары можно было с очень большим количеством таких задачек, которые росли в геометрической прогрессии. Мне удостоилось право стать таким консультантом, однако, позже он перевёл меня в ранг бригадира, который мой авторитет, и я смог потом сдать эк-

замен по гидравлике на отлично, получив по ней автомат из-за сданной в числе первых его РГРки и моего ранга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.